

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Максим Хорсун

Максим Дмитриевич Хорсун
Кремль 2222. Замоскворечье
Серия «Кремль 2222»
Серия «Лан», книга 2

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21230969

Максим Хорсун. Кремль 2222. Замоскворечье: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-099352-9

Аннотация

Юный дружинник Лан вместе со старшим братом Светозаром отправлен на секретное задание за стены Кремля. Но все пошло не так с самого начала. Предатель нанес удар в спину. В результате Светозар оказался в плену могущественной группировки Замоскворечья, а Лан... снова на Арене. Юный воин вновь вынужден выживать, сражаясь с кошмарными мутантами и отъявленными головорезами для развлечения толпы.

Сможет ли Лан вырваться из смертельных объятий Арены и выручить из беды брата? Ведь на этот раз никто не придет на помощь, и он окажется один на один против Замоскворечья – гиблого края, откуда не возвращаются.

Максим Хорсун

Кремль 2222.

Замоскворечье

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «КРЕМЛЬ» основана в 2011 году

© М. Д. Хорсун, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

***

*Замоскворечье. Гиблое место испокон веку,
откуда не возвращаются...
Д. Силлов «Кремль 2222. Юг»*

Похоже, это были живые мертвецы.

Серые лица в синюшных пятнах гнили, выпученные бельмастые глаза, волосы, покрытые плесневым налетом. Рваная одежда, дерганные движения марионеток, глухие угрожающие звуки, вырывающиеся из перекошенных и застывших в трупном окоченении пастей.

Мертвецы приближались, выстроившись широким полу-

кольцом. Плохо гнущиеся в коленях ноги загребали босыми ступнями колючий песок Арены. Пять нелепых и пугающих существ: двое вооружены кривыми, обожженными для твердости кольями, у одного – ржавый меч с волнистым клинком, у двух – дробовики.

Откуда у мертвецов взялось дорогостоящее огнестрельное оружие? Кто разрешил применить его на Арене – вопреки правилам гладиаторских боев и наплевав на безопасность зрителей?

Да и вообще – откуда появились эти молодчики? Лан никогда не видел таких раньше, до этого момента он полагал, что молва о живых мертвецах – байки из тех, что рассказываются за кружкой пива, и то – не за первой. Впрочем, каких только страхолюдин не рождали изуверченные Последней Войной московские земли. Поэтому удивляться было нечему; враг – есть враг, а дальше все просто: или он тебя – или ты его.

Лан поднял взгляд: над Ареной нависал освещенный дрожащим светом факелов деревянный купол. Снаружи выл ветер, и конструкция содрогалась под ударами шквала, жалобно скрипя. Вдруг на Лана снизошло озарение, он понял что Арена, накрытая куполом, – это неоткрытая разновидность Поля Смерти, и что именно оно, Поле, вдохнуло в тела мертвых мародеров подобие жизни.

Это понимание внезапно окрылило Лана. Почувствовав прилив сил, он шагнул мертвякам навстречу. В его правой

руке был меч, а в левой – пистолет ТТ. Почему-то Лана не удивило, что его тоже выпустили на Арену с честно добытым во время похода к маркитантам Арбата трофейным стволом. Раз мертвецам можно с ружьями, то ему – живому – и по-давно позволительно.

Он отбил мечом брошенный в него кол легко, словно это был березовый прутик. Выстрелил, целя в посиневшую ро-жу мертвяка с дробовиком. Пуля своротила покойнику верх-нюю челюсть, распухшая голова развалилась на две нерав-ные части, а осколки кости и зубов просвистели над Ареной, словно шрапнель. И сейчас же Лан вскинул руку с мечом и пригвоздил к ограждению следующего зомби.

Чья очередь? Наверное, второго стрелка – лысого и пуза-того мертвяка, что целился в Лана, прячась за спинами двух товарищей по беспокойной загробной жизни. Толстый даже после смерти пытался хитрить и подставлять под пули дру-гих, нетрудно представить, каким гадом он был, когда его сердце еще билось.

Пистолет и ружье грянули одновременно. На какой-то миг Лан понял, что может разглядеть каждую дробинку, летя-щую в его сторону. Крошечные шарики блистали в свете вы-рвавшегося из дула «винчестера» пламени, словно крупные снежинки, в иной ситуации это зрелище могло показаться Лану прекрасным и даже завораживающим.

Но не сейчас.

Дробь прошила его насквозь, словно он был бесплотным

призраком. Ни боли, ни кровотечения, только тяжелое, как бетонная плита, осознание собственного проигрыша и еще – гнетущее предчувствие скорой и неминуемой гибели.

Лан упал на одно колено. Выронив оружие, он уперся ладонями в песок. Мертвецы подошли почти вплотную, Лан увидел возле своего лица зазубренное, покрытое бурыми пятнами лезвие.

Текли долгие секунды, трибуны возбужденно гудели, предвкушая расправу над раненным гладиатором. Внезапно Лан ощутил на Арене присутствие еще одного существа. Он отвел взгляд от острия меча и посмотрел дальше: мимо мертвецов, мимо застывшего на песке зомби с расколотой головой. Дальше, на противоположную сторону ристалища: туда, где дрожали, точно от ужаса, тени, и виднелись разверстые ворота, соединяющие Арену с подземельем, в котором ждали, когда их бросят в бой, свирепые бойцы – люди и нелюди.

Лан увидел хрупкую фигурку, окруженную светом, будто коконом.

Ее тоже нельзя было назвать человеком, хотя внешне она ничем не отличалась ни от благопристойных кремлевских молодок, ни от чумазных девок, живущих в поселке под высокими стенами Арены. Хорошенькая мордашка скрывалась под толстым слоем пудры, румян и сурьмы. На крепких мускулистых руках – наручи с шипами, на ногах, обтянутых тонкой тканью тренировочных брюк – поножи, укрепленные хитином жука-медведя. В кулаках – по стилету: крестообраз-

ные рукояти, длинные и тонкие, вроде больших шил, клинки. В глазах – зеленое пламя, похожее на радиоактивное свечение, только ярче.

Мара.

Когда они расставались на затянутой вонючим дымом от горящего «Маунтина» Воздвиженке, Мара выглядела иначе. Она едва держалась на ногах от усталости, ее скромная одежда была черна от копоти и пестрела прожженными прорехами. Стены Кремля были близко – один рывок, и Мара оказалась бы в безопасности среди друзей и родичей Лана. Но она выбрала иной путь, пошла туда, куда ее звал долг и желание восстановить справедливость. С тех пор не проходило ни дня, чтобы Лан не укорил себя за то, что не пошел с ней. Но у него – тоже долг, его жизнь – это служение Кремлю, и в тот день Лан был как никогда нужен своей общине. В тот день он выбрал свою сторону, и это был верный выбор, но голос сомнений не утихал, и уколы совести оставались такими же болезненными.

Мара приближалась мягким шагом. Зомби, глухо ворча, расступились, получив мысленный приказ не заслонять раненного гладиатора. Лан почувствовал телепатическое прикосновение Мары, и оно оказалось отнюдь не дружественным. Невидимые тиски сдавили ему голову, не позволяя пошевелиться. Лан оцепенел, а Мара тем временем шла все быстрее и быстрее, нацелив острия стилетов на его горло.

«Вот мы и встретились, – услышал Лан внутри черепной

коробки чужой голос. — Ты бросил меня! Я осталась одна против всего мира! Предатель!»

И тогда Лан решил, что перед ним — ненастоящая Мара, ведь настоящую было бы непросто снова заковать в цепи и заставить драться на потеху пьяной толпе. Очевидно, Зона Смерти породила морок, наделив его телепатическими способностями девушки-бойца.

Тем не менее, она была уже близко. На ее бесстрастном, словно отлитом из гипса, лице не читалось ни единого сомнения, и глаза вблизи оказались, как стекляшки: ни жизни в них, ни души. Мара замахнулась...

Усилием воли Лан заставил себя проснуться и рывком сел. Сердце гроыхало, словно у фенакодуса после хорошей скачки. Бледный предрассветный свет проникал в казарму через пару узких, похожих на бойницы, окон. Слышалось сопение и похрапывание: дружинники дрыхли. До побудки оставалось не меньше часа, самое время для крепкого сна и ярких грез. Но куда ему теперь спать? Лана с головой захлестнуло тягучее и назойливое, словно непогашенная изжога, ощущение надвигающейся беды. Пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, чтоб остудить голову. Хорош дружинник, если он подвержен паническим атакам. Так не мудрено снова очутиться в пахарях, и во второй раз уже никто не подарит ему возможность выбраться из подземных теплиц Кремля.

Он откинул тонкое солдатское одеяло, сноровисто намо-

тал портянки, сунул ступни в разношенные сапоги. Светозар, спавший на соседней кровати, открыл глаза, хмуро поглядел на младшего брата, затем повернулся на другой бок и снова засопел. Светозара понять было не мудрено: ведь день, а порой и ночь дружинника – это дозоры, тренировки, учебные тревоги. Поэтому, если есть возможность – то надо спать. Или хотя бы не мешать восстанавливать силы остальным.

Лан, стараясь ступать бесшумно, выбрался из казармы. Воздух снаружи пах дождем, а дождь – ржавым железом и гарью. Двести лет прошло с Последней Войны, а небо до конца так и не очистилось, но сейчас хотя бы можно увидеть днем солнце, а при дедах, говорят, вообще были сплошные сумерки, холод, голод и повальный мор.

Брусчатка двора блестела. Мелкие капли – не то туман, не то морось – вихрились на порывистом ветру. Лан вспомнил, что завывания шквала он слышал даже во сне. Это был не первый кошмар про Арену, и, что печальнее, это был не первый кошмар, в котором он встречал Мару. И чем дальше, тем чаще и кровавее становились ночные видения. Наверняка, имелась какая-то причина, заставляющая его видеть такие сны. Какая точно – неизвестно, но вряд ли хорошая. Мара – мутант, мощный телепат, хотя этот дар выжигает ее изнутри. У Лана тоже есть способность к воздействию на мысли живых существ, но умение развито слабо, и его хватает только чтоб усмирять животных. Тем не менее он связан с

Марой, а Мара – с ним. Эти невидимые узы возникли, когда они вместе сражались на Арене против головорезов и чудищ. И узы не разорвались, несмотря на разделяющее его и Мару расстояние: десятки километров городских руин, заросших хищными растениями, заселенных мутантами, трупоедами, мародерами, биороботами и Полями Смерти. И сейчас внутренний голос говорил Лану, что Мара нуждается в его помощи... а он даже не знает, в какую сторону идти, чтобы ее догнать. К тому же, никто не отпускал и не отпустит его за стену: в Кремле каждый дружинник на счету.

Лан поднялся по старинной винтовой лестнице на Никольскую башню.

– Здравия желаю, – поздоровался он с парой караульных. Немолодые вислоусые дружинники, кутаясь в мокрые плащи, надетые поверх доспехов, неотрывно вглядывались в мглистые предрассветные сумерки по ту сторону стены.

– Здорово, коли не шутишь, – прозвучало в ответ без намека на приветливость. – Какого тебе не спится?

– Внезапно захотелось воздухом подышать и видом помиловаться, – сказал первое, что взбрело в голову, Лан, продвигаясь к выходу на забрало.

– Молодо-зелено, – вздохнул второй караульный, – кабы погода была еще, так ведь нет погоды. Сейчас бы под теплое одеяло, да десятый сон досматривать... – он потянулся, зазвенев кольчугой. – А может, ты съел что-то несвежее? Или девица какая-то сердце покоя лишила? Так ведь? В девице

дело?

Лан вздрогнул и потупил взгляд. Да, дело в Маре. Но о ней нельзя было разглагольствовать так легкомысленно, Мара сейчас пробиралась в далекое Одинцово, чтобы выручить сестренку. Мара была с ними одного поля ягода: такой же воин по духу. А еще не хотелось бы, чтоб кто-нибудь из ребят пустил слухок, дескать, дела сердечные мешают сыну пахаря, которого за особые заслуги осчастливили зачислением в дружину, нести службу, как подобает.

– Что ты пристал к парню? – первый дозорный почесал твердокаменную ладонь об дуло пушки, направленной в сторону ГУМа.

– Ступай-ступай, там уже один «милуется видами», – второй дозорный повернулся к Красной площади.

Лан рассеянно кивнул и вышел из-под конической, обшитой броневыми листами крыши на продуваемое ветром забрало. В тот момент ему не было дела, кому там еще не спится, но когда он увидел русоволосого дружинника, что стоял, сильно ссутулившись и положив руки на зубец стены, то сейчас же проникся сочувствием. Кого-то мучают неприятные сны и предчувствия, а у кого-то конкретная и предельно понятная беда случилась.

– Здравствуй, Денис! – обратился Лан к дружиннику. – Что... – он на секунду осекся, но если сказано «а», значит надо говорить и «бэ». – Так и не вернулось посольство?

– Нет, – буркнул Денис, не отрывая взгляда от предрас-

светного зеленовато-желтого зарева.

Отец Дениса – Савва – пропал вместе с посольством, отправленным Князем к очередному клану маркитантов за оружием и боеприпасами. В свое время Лану довелось участвовать в подобной операции, тогда община послала его с малым отрядом к арбатским маркитантам за дефицитными медикаментами. Лан на своей шкуре прочувствовал всю тяжесть существования вне кремлевских стен, а также навсегда уяснил, что несколько километров через руины московских улиц – это может быть очень много. Поэтому он прекрасно понимал, какие опасности грозили дружиннику Савве и его спутникам, и, само собой, разделял беспокойство Дениса.

Лан собрался пройти мимо, поскольку явно было видно, что Денис хочет побыть со своими переживаниями наедине, однако русоволосый дружинник вдруг сказал:

– К Князю пойду, сегодня же... – слова давались ему с трудом, словно горло было стиснуто спазмом, и голос звучал сипло, едва различимо. – Скажу, пусть отправляет меня на поиски. Я найду отца.

Что ж, нормальная реакция. Нормальное требование. Лан тоже взял бы отпуск на месяц и смотался за стену: помог бы Маре разрешить проблемы с нерадивой одинцовской общиной, да вот незадача – не полагаются дружинникам отпуска. Но поскольку пропавшее посольство имело большую важность для Кремля, Лан подумал, что у Дениса есть шан-

сы добиться разрешения на поисковую операцию. В помощи Маре и ее сестре община не заинтересована: Кремль не может спасти всех подряд. А посольство – это свои, своих дружина не бросает.

– Поговори, конечно, с Князем, – сказал Лан опечаленному воину. – Удачи тебе.

– Пойду... – пробурчал Денис. – Как только солнце встанет – так сразу пойду...

Спозаранку, очевидно, попасть на прием к Князю не получится, хотя... чем черт не шутит. Ладно, Денис, жди расвета, только построение не пропусти – иначе влетит от сотника по первое число.

Лан посторонился, пропуская стрельцов, вооруженных тяжелыми бердышами, затем отошел в сторону. Москва просыпалась; стывшая мгла над Красной площадью поредела, отползла на близлежащие улицы. Среди руин что-то монотонно рычало, стенало, полоумно бормотало и вскрикивало. Что-то лишало жизни, а что-то – лишалось. Страшные каменные джунгли непрерывно перетирали челюстями из разбитого асфальта, бетонного лома и трухлявого железа бесчисленное множество существ – мелких и больших, нормальных и мутировавших под действием радиации или Полей Смерти.

Как всегда, Лану почудилось, будто он слышит Арену. Под гулким деревянным куполом грохочут барабаны и бубны, скрипки и флейты выводят дикарские мелодии, а ра-

бы-воины сшибаются в смертельной схватке и льют реки обжигающей крови на присыпанное серым речным песком ристалище.

Почти месяц прошел с тех пор, как Лану удалось вырваться из объятий Арены. Сбежать ему помогли два лучших гладиатора – старый киборг Титан и Мара – девушка-мутант из Одинцово. Втроем они завершили миссию, которая была изначально возложена кремлевской общиной на отряд дружинников. А затем пути беглых гладиаторов разошлись, каждый направился к своей цели.

«Мара!» – мысленно позвал Лан, глядя на золотистый край солнечного диска, показавшийся над уродливыми грудами исковерканного бетона.

Отклик пришел почти сразу. Он походил на прикосновение теплого ветра с запахом яблоневого цвета, – совершенно нетипичного аромата для нынешней Москвы. Из этого следовало, что Мара жива и до сих пор «слышит» Лана. Но больше ничего не понять. Где она? Быть может, она ранена? Быть может, в плену? Быть может, выбилась из сил и погибает, спрятавшись в какой-нибудь норе, вроде старого сырого подвала?

За кремлевской стеной остались незавершенные дела, и они лишали Лана покоя. Он ощущал себя стрелой, готовой отправиться вдаль, как только будет спущена тетива. Он ощущал себя бойцовским крысопсом, ожидающим команды «фас». Он ждал, постепенно теряя терпение. Он ощущал

приближение беды. Как бы тут не наделать глупостей...

Впрочем, Данила когда-то тоже сорвался в самоволку и вернулся в Кремль на танке да с кучей старинного оружия. Но то Данила – боец уважаемый, разведчик, едва воеводой его не назначили. Если же Лан оставит службу без дозволения, то это будет выглядеть чуть-чуть иначе. А разрешение ему никто не даст. Да уж, незадача.

Денис оттолкнулся от зубца и зашагал к башне, грохоча подкованными сапогами по настилу забрала. Очевидно, пошел брать штурмом княжеские покои. Лан, насупившись, поглядел ему вслед.

И у этого терпение закончилось.

Что ж, здравствуй – новый день.

Лан по-прежнему был последним из дружинников в мечевом бое.

Сказывалось, что детство и юность он провел в пахарях. Умом Лан это понимал, и остальные понимали. Какие-то важные моменты были упущены и, наверное, навсегда. Никто не попрекал его, не насмехался, но быть отстающим – всегда в тягость. На Арене он рубился – будь здоров, в боях против нео тоже не сплеховал, а тут... Даже дружинник Чеслав, едва-едва поднявшийся на ноги после серьезного ранения, полученного в схватке с «Рапторами», и тот уделывал Лана, как мальчишку. А ведь когда-то Лану рукоплескали зрительские трибуны Арены! Напрашивался простой вывод:

кремлевский пахарь, прошедший базовые тренировки ополченца, был более умелым фехтовальщиком, чем мародеры и прочее отребье, обитающее за кремлевскими стенами. Но все равно не мог соперничать в умении с дружинниками – профессиональными воинами.

Очередная тренировка подошла к концу. Получив новую пару ссадин и ушибов, Лан отказался от берестяного пластыря и холодных примочек. Он зажал погнутый тренировочный меч под мышкой, подошел к Мастеру и проговорил, набычившись:

– Я хочу фехтовать еще!

– Время вышло, – ответил Мастер, а потом добавил потечески мягко: – Отдыхай, друг, пока дают.

– Я не устал, могу драться еще!

– Зато я, знаешь, как устал с вами? – Мастер утер тугой кожаной наручью испарину, выступившую на украшенном шрамами лбу. – Не всем же быть такими железобетонными, как ты. Пойди, подыши воздухом. Остудись чуток.

С одной стороны – гадкие сны и дурные предчувствия, с другой – пропажа посольства и стоящее перед глазами упрямое лицо Дениса, явно задумавшего какую-то самоубийственную глупость. С третьей стороны – тоска по Маре и нехватка женской ласки, с четвертой – постоянное отставание от товарищей в части владения мечом. Лан скрипел зубами от переполнявших его темных страстей. В одной молодой и горячей голове не могло все это тихо-мирно, как гово-

рят старики, «устаканиться». Ему бы сейчас в бой, в самое пекло, пусть даже на Арену, гори она синим пламенем!

Но вокруг все было спокойно и даже рутинно. От утренней хмари не осталось и следа, летнее солнце высушило лужи. Лишь ветер не собирался униматься, а все гудел-гудел, обтекая купола кремлевских Храмов и бронированные крыши башен.

Загрохотало вразнобой, и над стеной со стороны Красной площади вспухло облако пороховой гари. Лан жадно поглядел вверх, но это был не прорыв нео и не атака биороботов, а тоже всего лишь тренировка: под присмотром Светозара гражданские практиковались в обращении с дульнозарядными фузеями и пистолями.

Лан отдал погнутый меч раскрасневшемуся от жара пылающих горнов подмастерью кузнеца, сходил в трапезную за кувшином ледяного кваса, а потом поднялся к брату.

Ополченцы – пожилые пахари и мастеровые – стреляли в набитые опилками и тряпьем чучела нео, расставленные на площади на разном расстоянии от стены. Фузеи отчаянно грохотали, тяжелые пули высекали из площадной брусчатки искры. Все кремлевские мужики – ребята что надо. Никто в бою не струсит, Лану сразу вспомнилась та отчаянная оборона, когда на стене плечом к плечу стояли и дружинники, и стрельцы, и Хранители Веры, и ополченцы. Вот только не было у работяг врожденного таланта в обращении с оружием. У дружинников он был, а у них – нет.

Лан подошел к Светозару, отдал ему кувшин с квасом. Тот кивком поблагодарил, сделал несколько крупных глотков и поставил на не полностью восстановленный зубец стены. Среди ополченцев с фузеями оказался и Крив Чернорот – потомственный пахарь, отец Лана. Когда Лан был маленьким, Крив частенько колотил его всем, что только попадалось под руку, чувствуя, очевидно, чужую кровь. Люди судачили, что настоящим отцом Лана был дружинник Мечислав, от которого Лада – почившая мать Лана – родила своего старшего сына Светозара во исполнение указа Князя «О потомках». После того, как Лан выполнил задание на Арбате и был в награду зачислен в дружину, Крив разговаривал с ним подчеркнуто уважительно. Лан старательно отвечал той же монетой, однако каждому встречному-поперечному были очевидны натянутость и постоянный холодок в их взаимоотношениях.

Сейчас Крив даже не смотрел в сторону Лана. Пожилой пахарь стоял, вытянувшись, словно прилежный солдат. Его ухватистые ручки сжимали фузею, а редкие седые волосы были взъерошены ветром.

– Огонь по команде! – заревел командирским голосом Светозар. – С дальнего конца шеренги! По одному! Пли!

Вновь загрохотали фузеи, а воздух стал настолько густым от кислого порохового дыма, что, казалось, его можно пить.

– Мимо! Попал-попал! Есть! – в коротких паузах между выстрелами Светозар отрывисто комментировал успехи и

неудачи подопечных. – Мазила! Убил! Мазила и тупица! А вот ты – молоток! Попал!

Крив вообще пальнул «в молоко», и тяжелая фузейная пуля выбила облачко пыли из обветшалой стены ГУМа.

– Ты что – слепой? – рывкнул Светозар, но тут же переключил внимание на следующего ополченца. – Уже лучше, но все равно – косо! Нет, так не пойдет! Плохо!

Выстрелы стихли, ветер быстро очистил забрало от дыма. Светозар был недоволен. Он упер кулаки в бока и нахмурил брови. Низкая успеваемость учеников – вина наставника, ополченцы мажут, а краснеть перед воеводой предстоит Светозару.

– Лан, хотя бы ты им показал, как надо! – обратился старший брат к младшему. – Подай, так сказать, пример!

Лан не ожидал такой просьбы, но ломаться не стал. Взял с подставки два заряженных пистоля, подошел к бойнице, прицелился...

Солнце лупило прямо в глаза, неудивительно, что гражданские промахивались. Но в этом-то вся соль, нужно быть готовыми вести бой в любых условиях. Лан выбрал ближайшую мишень: почти бесформенное от времени и долгого использования на стрельбище чучело нео с деревянным ведром вместо головы.

Пистолы тяжелые, округлые рукояти покрыты мелкой насечкой. С одной стороны, оружие грубое и примитивное по сравнению со старинными пистолетами Макарова, Стечки-

на, Ярыгина. С другой стороны, было в них определенное благородство и привлекательность...

Щелкнул первый курок, вспыхнул, громко зашипев, на полке порох. Из дула вырвался яркий факел. Пуля угодила в надетое на чучело ведро. Разлетелись во все стороны щепки, показался фрагмент тухлявого черепа.

Щелкнул второй курок, и следующая пуля, прошив чучело насквозь, перебила жердину, на которую опиралась мишень. «Нео» завалился набок, ветер подхватил и разметал по брусчатке клочья выбитой шерсти. Ополченцы одобрительно загудели.

– Убил! – Светозар хлопнул Лана по плечу, а потом обратился к гражданским: – Вот! А ведь он, как и вы, вчера землю пахал!

«Не только пахал, – вспомнил Лан, потупив взгляд. – И в кузнице пот лил, и навоз за турами убирал».

– Дык... Светозар Мечиславович... – один из ополченцев – ряболицый дядя Завид – вытянул шею и произнес так, словно решил поведать величайшую тайну: – Всем известно, что наш Ланушка – дружинник по рождению и по праву, а то, что он в пахарях лямку тянул до своих семнадцати лет, – досадная ошибка.

На Крива жалко было смотреть. Его лицо побагровело.

– Это мой сын! – воскликнул пахарь, указывая внезапно задрожавшей рукой на Лана. – Лан – мой сын! Дружинник! Сокол! Мой! Никому не позволю лить напраслину!

Крив все еще сжимал разряженную фузею. Зная его кривой норов, Лан испугался, что нерадивый папаня вот-вот двинет Завида прикладом по плешивому затылку, и на этом песенка любителя рубить правду-матку окажется спетой.

– Батя-батя! – Лан примирительно поднял руки. – Спокойно! Ну, конечно – ты мой батя, а кто же еще? Помнишь, как поил-кормил, пока я рос? Помнишь, как воспитывал? А если еще кто-нибудь выскажет хотя бы слово сомнения, – он нахмурился точь-в-точь, как это делал Светозар, и ожег взглядом Завида, – того вызову на поединок! И нашинкую, бог свидетель, как кочан гнилой капусты, чтоб червям было жевать удобней.

Дружинники не вызывали пахарей на поединок: слишком велика разница в умениях, да и много чести для последних. Однако только круглый дурак посмел бы задирать воина. Завид стушевался, на него снизошло озарение, что Лан-мальчишка, которого можно было огреть сапогом под зад за нерасторопность во время уборки урожая, и Лан-воин, стоящий перед ним сейчас, – теперь два разных человека.

– Прости, Ланушка, – пролепетал он, побледнев, как смерть. – Какой-то бес грязный за язык дернул. Не то я совсем имел в виду...

– Какой я тебе Ланушка, шкура? – продолжил бушевать Лан. – Как стоишь передо мной, пугало огородное? Смирно! Напра-во! Нале-во! Кру-гом!

Ополченцы прыснули от Завида в разные стороны, слов-

но тот был заразен. Решили, наверное, будто Лан приложит Завида кулаком, и побоялись попасться под горячую руку. Ряболицый глядел на Лана, словно побитый крысопес, его колени заметно дрожали.

– Вестовой от воеводы идет, – услышал Лан голос Светозара.

На стену поднялся воин в легком доспехе. Отыскав братьев взглядом, он сообщил:

– Вас обоих вызывают в Военный Приказ. Быть незамедлительно.

– Так точно, – отозвались в один голос Лан и Светозар.

Старший брат приказал гражданским собрать дульнозарядное оружие и построиться.

– Ополчение! Нале-во! За мной шагом марш!

Светозар повел мужиков во двор крепости. На ходу он отдал распоряжение юнакам, дежурившим у ворот, забрать с площади мишени. Пацаны воодушевились: для них каждый выход за ворота – приключение.

Лан тоже чувствовал интерес. С одной стороны, в Военном Приказе ему доводилось бывать неоднократно: он в деталях поведал штабистам, а также – самому воеводе об арбатских маркитантах, об Арене и всех тварях и опасностях, которые встретились ему на пути. С другой стороны, приказ явиться на глаза командования увязывался с тревожными предчувствиями, все сильнее одолевавшими его в последнее время. Сердце учащало ход в предвкушении боя. Душа дру-

жинника жаждала действия, военной операции, громких команд, ощущения рукояти меча в руках и грохота автоматных очередей. Одновременно разливался внутри холодок, словно от напитка, настоящего на дикой мяте, поскольку разумный страх знаком даже самым лихим рубакам. А Лан прекрасно знал, насколько зловещим и коварным может быть лабиринт лежащих в руинах московских улиц.

В Военном Приказе братьев принял сам воевода. В зале с расписными стенами Лан увидел также сотника Ждана и Ворона – молодого, но уже уважаемого всеми разведчика, с которым ему довелось хлебнуть лиха во время похода на Арбат. Отряд воинов, возглавляемый Вороном, столкнулся сначала с мародерами, а потом – с привлеченными запахом крови «Рапторами». Лан, числившийся тогда гражданским, попал в плен, а затем – на Арену. А дальше – пошло-поехало...

Воевода, сотник и разведчик сидели за столом, на котором была развернута карта довоенной Москвы с многочисленными отметками, сделанными людьми Кремля уже после выхода из убежищ: там Поле Смерти, тут радиоактивная воронка, здесь змеится русло высвобожденной из-под бетонных сводов коллектора Неглинки. Ребята в казарме поговаривали, будто воевода прячет под картой вырезанные из старинных журналов фотографии девиц без одеяния. Но о чем только не болтают в казармах.

Лан решил, что речь пойдет о пропавшем посольстве, поскольку сотник Ждан был непосредственным командиром Дениса, встревоженного за судьбу отца. Наверное, юноша пробился-таки спозаранку к Князю и настоял на проведении поисково-спасательной операции. А что, дело для общины крайне нужное...

Однако воевода, после того как предложил братьям занять место за столом, завел речь о другом.

– Лан, мы собрались, чтобы еще раз обсудить некоторые моменты твоего доклада. Они касаются Арены и поселка Новоарбатовка, в котором находится этот дурной цирк.

«Вот оно!» – подумалось Лану. Он кивнул, сосредоточенно слушая военачальника. Сердце стучало медленно, но громко: как бы остальные не услышали.

– Ты доложил, что биороботы не нападают на Новоарбатовку, несмотря на то, что поселок укреплен довольно слабо.

– Так точно, – ответил Лан. Действительно, любой боевой биоробот, будь он серии «А» или более легкой серии «В», при желании без труда пробил бы брешь в окружавшем поселок частоколе. И не остановило бы его легкое стрелковое оружие наемников, несущих дозор на сторожевых башнях, потому как пули против многотонного бронированного чудовища – все равно, что горох против танковой брони.

– А еще ты доложил, что жители поселка Новоарбатовка, возглавляемые неким человеком с дурацким прозвищем Профессор, заключили с биороботами договор. Новоарба-

товка отдает стальным тварям мертвых бойцов Арены, а био за это не причиняют поселку вред.

– Так точно, – снова отчеканил Лан. Бои на Арене шли сутки напролет, на трибунах всегда толклись зрители, которые делали ставки, покупали еду и выпивку. Трудно было представить, какие богатства осели в закромах Профессора за годы работы этой кровавой фабрики зрелищ. Но груды трупов, которые выбрасывались за частокол, чтобы умиловать вечно голодных и получающих энергию за счет расщепления органики биороботов, Лан видел собственными глазами.

– Мы боремся с биороботами со времен Последней Войны, – проговорил воевода. – И знания, которые мы добыли кровью, говорят, что для этих гадов все живое – мясо, и что с мясом они не договариваются.

Лан продолжал напряженно слушать. Он пока не понимал, к чему клонит воевода; Светозар, судя по его скучной физиономии – тоже.

– Военный Приказ заинтересовался, как это люди и биороботы смогли договориться, – продолжил воевода. – Скорее всего, ты не увидел всей подоплеки происходящего в Новоарбатровке. Что, в принципе, не удивительно и не зазорно, ведь перед тобой стояла задача выжить.

«Выжить, добраться до Арбата, выполнить задание и вернуться в Кремль», – дополнил мысленно Лан. Он с нетерпением ждал, когда воевода закончит вступительную часть и

перейдет к сути. Зачем Военный Приказ вспомнил о Новорарбатовке? Причем – именно сейчас? Безусловно, эту обитель порока не мешало бы выжечь каленым железом из тела Москвы, но Лан подозревал, что перед Кремлем на данный момент стоят более своевременные задачи.

Воевода посмотрел на разведчика:

– Ворон, расскажи, что ты узнал.

Темноглазый воин с бородкой, обильно посеребренной ранней сединой, прочистил горло.

– Ходит молва о неких нейромантах, – прошелестел его сухой голос. – Нет точных сведений, кто они: может – люди со случайно проявившимися особыми способностями, а может – выведенные для Последней Войны мутанты. Говорят, что нейроманты способны силой мысли управлять биороботами.

Сотник Ждан покачал головой, а потом сказал, поджав губы:

– Прости, друг. Но сдается мне, что все это – сказки новых людей и полудиких трупоедов. Когда они смотрят из укрытия на идущего мимо голодного био, им очень хочется верить, что в мире существует сила, способная справиться с этой мощью. Какой-нибудь дух или волшебник.

– Лично я нейромантов не встречал, хотя, кажется, провел среди руин больше времени, чем в Кремле, – признался разведчик. – Но я знаю, что о нейромантах слышали в не связанных друг с другом племенах и общинах. Мои осведо-

мители уверены, что такие существа – не выдумка. И я тоже полагаю, что это правда.

Лан и Светозар удивленно переглянулись.

– Мы с Князем пораскинули мозгами, и у нас появилась мысль, что Новоарбатовку может опекать один из этих нейромантов, – сказал тогда воевода. – Вот мы и прикинули, что в целях безопасности Кремля было бы уместно склонить такого мутанта к сотрудничеству. Хотя бы для того, чтобы он просто держал био подальше от наших стен.

На мгновение повисло молчание.

– Для начала Военный Приказ хочет узнать о нейромантах как можно больше: кто они такие, с чем их едят, за кого они вообще в этой ежедневной войне за жизнь... и чем можно их заинтересовать, – воевода многозначительно понизил голос и потер пальцами, собранными в щепоть. – Ближайший нейромант находится предположительно вот здесь, – он ткнул ногтем в карту. – Мы хотим внедрить в Новоарбатовку наших людей, чтобы они проверили на месте, что сказки, а что – правда. Заодно раздобыли о поселении больше сведений. Соседи как-никак... К тому же – вся шваль из ближайших районов расслабляется именно там, поэтому полезно было бы заиметь в Новоарбатовке глаза и уши. Лан, Светозар... – воевода поглядел на молодых дружинников. – Для вас есть не совсем обычное, но очень опасное и совершенно секретное задание. Готовы ли вы за него взяться?

– Так точно! – в один голос выпалили братья, хотя до сих

пор они смутно представляли, в чем может заключаться их миссия. Светозар даже привстал, едва не опрокинув стул.

Не было ни тени сомнений. Скажут в бой – значит в бой. Скажут в пекло – значит в пекло. Лишь легкий холодок под ложечкой напоминал Лану, что он – все-таки живой человек, а не боевая машина.

– Разрешите высказаться... – Лан тоже поднялся, словно школяр, отвечающий на вопрос учителя. – В Новоарбатовке меня узнают, и я сразу же окажусь на Арене. Профессор не упустит шанса поквитаться со мной, и будь я проклят, если он не сделает из этого представление, на которое завлечет сотни зрителей.

– Да, – воевода кивнул. – Мы и рассчитываем, что Профессор захочет поиграть с тобой, как кошка с мышкой. Вряд ли кто-то заподозрит, что на Арене ты оказался с умыслом.

– Ну, тогда... – озадаченный Лан снова сел. – Я пока не совсем понимаю.

Воевода погладил ладонью карту. Бумага съехала в сторону, фотографам девиц под ней не оказалось.

– Давайте по порядку, – он перевел взгляд на сотника Ждана. – Двое твоих парней собираются надеть глупостей: уйти в самоволку, чтобы найти пропавшее посольство Саввы.

– Так точно, – подтвердил сотник. – Денис и его друг – Мстислав. Денис с утра пороги Князя обивал. Насколько мне известно, Князь не согласился отпустить сына Саввы за во-

рота крепости.

– Пока нет, – сказал воевода. – Но завтра Князь переменит свое решение, таков наш план. Для сопровождения Дениса на первом этапе пути мы выделим... скажем... полсотни воинов на фенакодусах.

Сотник задумчиво потер бороду и кивнул.

– В составе этой полусотни будут Лан и Светозар, – продолжил воевода. – На обратном пути они отделятся от основной группы: погонятся за отрядом мародеров, который им якобы случайно встретится на дороге. Клан Кривых Шрамов готов оказать нам услугу в обмен на солонину и черный порох. Они возьмут братьев, так сказать, в плен... – воевода на миг замолчал, давая остальным четко осознать каждую фразу. – А затем продадут на Арену.

– Кривые Шрамы уже долгое время тайно сотрудничают с Кремлем, – вставил Ворон. – Среди них – много моих информаторов. Шрамы – это негодяи, но, как говорится, это наши негодяи. Благодаря муке и солонине, которой мы с ними расплачиваемся за сведения и самую разную помощь, Шрамы переживают зимы, не прибегая к людоедству. Им можно верить. В этом мире не каждому посчастливилось родиться за кремлевской стеной, – добавил разведчик весомо.

– Старшим в вашей паре назначается Светозар, – продолжил, глядя на братьев, воевода. – Ваша задача – обнаружить нейроманта и по возможности – завербовать его. Если нейромант на контакт не пойдет, то можете особенно с ним не

церемониться: кляп в рот, мешок на голову. За частоколом Новоарбатовки вас будут ждать разведчики, они обеспечат вам отход. Повторяю, – воевода упер кулаки в стол и наклонился в сторону братьев, – вы будете не одни, и если что-то пойдет не так, Ворон и его ребята не оставят вас в беде.

Лан откинулся на спинку стула. Перед его внутренним взором мелькали картинки одна другой краше: трепет листы хищной растительности, почувствовавшей теплокровных; почти непроходимые, погребенные под грудами бетонных обломков улицы; серые, тронутые гнилью рожи мертвяков из свежего ночного кошмара; забрызганный кровью песок Арены и беснующиеся на трибунах зрители; силуэт Мары, соткавшийся из теней, у противоположного входа на ристалище...

Арена звала его. Арена не позволяла о ней забыть. Он был должен Арене последний бой. Арена превратилась в злобного божка, черпающего силу благодаря ежедневным кровавым жертвам. И этот притаившийся в районе Нового Арбата божок диктовал ему свою волю.

«Вернись ко мне, как блудный сын. Помнишь, как любили тебя зрители? Помнишь, как они приветствовали каждый твой удачный удар? Вернись, ты еще не сослужил свою службу сполна...»

Светозар еще раз заверил воеводу, что они готовы выполнить любое задание Кремля. Лан ощущал волны жара, идущие от брата. Каждый дружинник живет от битвы до бит-

вы: похоже, наступал момент, когда они смогут от души утолить жажду битв и приключений. И радостно было от этого, и тревожно.

«Мара, я иду», – как-то само собой подумалось Лану.

И ответом ему был летний ветер, распахнувший рамы стрельчатых окон, а затем пронесшийся по залу хулиганским порывом.

На следующий день выступили спозаранку. В центре внимания были Денис и Мстислав, о миссии Лана и Светозара знал лишь сотник Ждан, также участвовавший в конном рейде, и несколько десятников. Лан глядел на двух парней, которым предстояло отправиться на поиск посольства, и недоумевал: у них не было ни одного следа, ни одной зацепки, кроме уверенности Дениса, что отец – дружинник Савва – до сих пор жив. Они шли в никуда, им предстояло остаться один на один с огромным разрушенным городом, населенным кошмарными тварями, и людьми, которые по своему образу жизни теперь ничем не отличаются от чудовищ. У Лана и Светозара была цель: Новый Арбат и Арена. У братьев было конкретное задание; было прикрытие и пути отступления. А у Дениса и Мстислава – лишь два меча и квадратные километры заросших растениями-мутантами руин, которые предстояло прочесать пядь за пядью, руководствуясь лишь надеждой и интуицией.

Лан глядел на Дениса и видел самого себя. Он готовил-

ся шагнуть в ту же самую бездну. В будущем, если, конечно, оно у него будет. Если Арена во второй раз отпустит его живым. Он поклялся, что после этого задания отправится за Марой в далекое Одинцово. Он выполнит долг сердца и совести, поскольку больше не может иначе.

Он оставил в крепости «ремингтон» и ТТ, честно добытые во время похода на Арбат. Он, мысленно скрипя зубами от досады, оставил в Кремле свой палаш с узорчатым клинком из превосходного булата: до сих пор не выпало возможности опробовать благородное оружие, подаренное Князем, в деле. С собой имелись лишь железяки, с которыми не жалко будет расстаться на время «плена»: грубо выкованный как-ким-то подмастерьем короткий меч и дюжина заточек, сделанных из арматуры. У Светозара было копье, щит, больше похожий на деревянную крышку от бочки, и такой же набор заточек.

Застоявшиеся в конюшнях фенакодусы шли энергичной рысью. Дружинники сосредоточенно глядели по сторонам, за каждым был закреплен заранее свой сектор обзора.

Лан старался не думать о самодовольном выражении, которое появится на лице Профессора, когда тому доложат, что беглый гладиатор снова в цепях и подготовлен к прилюдной расправе на Арене. Что ж, придется показать такое шоу, какое в Новоарбатовке еще никто не видел; он снова завоюет толпу, а значит – выторгует право на жизнь, ведь Профессор не станет резать курицу, несущую золотые яйца.

Сначала Красная площадь, потом – Манежная. Затем полусотня выехала на Тверскую улицу. Места были Лану знакомы по арбатской операции. Он уже гонял по этим улицам, переулкам и площадям туда и обратно. С кем только не приходилось рубиться и перестреливаться: с бандюками, с наемниками Профессора, с вездесущими нео.

Лана и Светозара держали в середине строя, как и Дениса с Мстиславом. И тем, и другим было приказано вступать в бой лишь в крайнем случае. Но все было относительно спокойно до тех пор, пока полусотня не свернула в Камергерский переулок. Авангард заметил десяток нео: мутанты улепетывали со всех ног, слышав поступь фенакодусов. Очевидно, это была мелкая и легковооруженная шайка, возможно – разведчики, возможно – обыкновенные разбойники и мародеры. Лан успел разглядеть выражение звериного ужаса на нечеловеческих лицах. Нео бросали на бегу свои нехитрые пожитки – свернутые рулонами блохастые шкуры, какой-то малопонятный хлам, добытый в развалинах.

Одна короткая команда, и скакуны дружинников пропустили галопом. Копья опустились, мечи с шелестом покинули ножны, послышались щелчки сработавших арбалетов. Фенакодусы плотоядно заурчали и оскалили внушающие трепет загнутые клыки: свежие мозги нео были для скакунов самым желанным лакомством.

Когда дружинники нагнали убегающих, почти в каждом нео уже торчало по несколько стрел. Полусотня накрыла му-

тантов, точно набегающая волна или лавина, и тогда для нео все закончилось в считанные секунды. Дружинникам, следовавшим в середине строя и в арьергарде, работы уже не нашлось. Под фенакодусом Лана промелькнуло кровавое месиво: это было все, что осталось от застигнутых врасплох нелюдей. Их исковерканные, выеденные черепа катились по разбитой дороге, словно пустые чаши.

На Кузнецкий Мост они въехали уже рысью и довольно долго следовали просто вперед, лавируя между заросшими лебедой по крыши остовами автомобилей и бронетехники. Время от времени путь преграждали завалы, но фенакодусы с цепкими когтистыми лапами, казалось, были способны взобраться даже на отвесную стену, не говоря о том, чтобы перемахнуть через груды битого кирпича.

С Денисом и Мстиславом расстались у какого-то безымянного проулка. Лан услышал, как сотник сказал на прощание: «Удачи вам, мужики!», и внезапно оказалось, что на двух фенакодусах больше нет седоков. Друзья ушли делать свое дело.

Полусотня же доскакала до ближайшего поворота и свернула в сторону Кремля. Лан и Светозар переглянулись: скоро и им предстояло покинуть строй. Где-то за Моховой должны были «случайно» попасться на глаза несколько бродяг из клана Кривые Шрамы. Оставалось надеяться, что ребята с ходу не напичатают мародеров стрелами. У дружинников чесались кулаки, утренний воздух и простор, не ограниченный

красной зубчатой стеной, бодрил, а десяток случайно встреченных и мгновенно превращенных в фарш мутантов лишь распалил жажду действия.

Офисные центры, магазины, рестораны, музеи, храмы давно стали руинами, а руины вот-вот исчезнут под свежей почвой и густыми зарослями мутировавшей растительности. Природа поглощала и переваривала труп города, словно кусок мертвечины. Еще пара сотен лет, и все вернется на круги своя. Вновь будет лишь семь холмов на первобытной равнине, расчерченной плавными линиями очистившихся рек.

– Силуэты на два часа! Люди! – прозвучал чей-то звонкий голос.

Началось! Лан похлопал своего фенакодуса по шее, точно это скакуну, а не ему, требовалось утихомирить зачастившее сердце. Светозар привстал на стременах, высматривая неприятеля среди развалин, оплетенных живой камуфляжной сетью выюнов.

– Светозар! – крикнул сотник, оглянувшись. – Бери брата-ельника и проверь, что там.

– Есть, командир! Лан! За мной!

– Принято.

Дружинники перестроились, выпуская братьев из своих рядов. Сотник сердито заорал, когда за Ланом и Светозаром увязались еще несколько бойцов. В обычных обстоятельствах не помешало бы прикрытие, но сейчас братьям нужно было исчезнуть из поля зрения товарищей.

Плотоядная лебеда вяло шевелились, запоздало реагируя на проскользнувших мимо мародеров. Лан отчетливо видел на мхе, на влажном крошечном из рассыпавшейся штукатурки и мелкого щебня следы ног, обмотанных тканью; очевидно, сапоги для Кривых Шрамов были непозволительной роскошью. Братья переглянулись, затем Светозар прищипорил фенакодуса и решительно свернул с улицы. Секунда-другая, и он уже углубился в дикую мешанину из почерневших несущих стен, буйной растительности и груд разновеликих обломков. Проснулись и заметались, вереща ультразвуком, мелкие рукокрылы, которые до этого дневали, повиснув вниз головой на балках под живой крышей плотного переплетения выюнов и травы. Фенакодус Лана, чуть всхрапывая от натуги, перебрался через то, что осталось от какой-то стены. Ненадежный камень крошился под когтистыми лапами верхового животного.

Лан вдохнул полной грудью холодный и сырой воздух. Среди руин в этот час было словно в кремлевском леднике – подвале, где хранилась всякая скоропортящаяся снедь. И пахло похоже: плесенью, подгнившими овощами, чем-то забродившим. Рукокрылы носились над головой, точно тяжелые арбалетные стрелы, и действовали на нервы своим писком.

Светозар упрямо пробирался сквозь заросли и ошестинившиеся ржавой арматурой груды. Хищные растения тянулись со всех сторон, их цепкие ветви подрагивали от предвкуше-

ния. Некоторые из них были посечены прошедшими только что мародерами: на свежих срезах пузырился горько пахнувший сок, а обрубки хрустели под лапами фенакодусов.

Братья прошли сквозь развалины и оказались на утопающей в густой тени улице. Через дорогу – ухаб на ухабе, расколотый асфальт и молодые деревца высотой в человека – возвышались еще более внушительные руины.

– Я уже бывал здесь, – Лан вытянул руку. – Это – Малый театр.

– Ничего себе – малый... – пробормотал Светозар, осматриваясь. Несмотря на утреннюю свежесть, из-под его шлема на лоб стекали капельки пота.

– А на том перекрестке, – Лан кивнул в сторону выезда на Моховую, – Ворон поджарил полчище сколопендр. Пламя было до неба, видишь – до сих пор пятна гари остались.

– Как здорово, что ты здесь бывал и все знаешь, – связывил Светозар. – Однако не хочется забираться слишком далеко...

– Но, наверное, придется, – договорил за брата Лан. – Вот след!

Кто-то словно нарочно прошелся по кустарникам мечом. Светозар поправил шлем и тронул каблуками бока своего скакуна. Лан подумал, что сотник Ждан уже привел дружинников к Спасским воротам. Наверняка кто-то из ребят забеспокоился, дескать, а куда подевались братья? Но сотник велит помалкивать, сам же, заходя в ворота последним, он

обернется и бросит долгий взгляд на руины, среди которых ему сегодня пришлось оставить четверых своих парней.

– Мне становится тошно, когда я думаю, что нам придется сдаваться в плен каким-то вшивым бродягам, вооруженным, наверняка, каменными топорами, – ворчал Светозар.

Всем известно, что дружинники в плен не сдаются. Почему-то так сложилось, что какая-то внутренняя сила заставляет их биться до последней капли крови, даже если расклад определенно не в их пользу. Да, дружинника можно взять в плен: навалиться на него гурьбой, связать, вырубить, в конце концов, ударом по голове. Но никогда еще воины Кремля добровольно не складывали оружие перед недругом.

– Считай, что это – военная хитрость, – проговорил Лан. Его больше беспокоила судьба фенакодусов. Он надеялся, что Кривые Шрамы передадут животных в целости и сохранности Ворону. Но где-то внутри сидело опасение, что клан, вынужденный прозябать на грани людоедства, пустит обоих боевых скакунов на мясо.

Братья осторожно продвигались по Неглинной улице на север.

– Чувствуешь? – Светозар с шумом втянул носом воздух.

Они остановили фенакодусов. В тишине было слышно, как вдалеке на Никольской башне ударили в било, отмечая начало нового часа. Шелестела листва, коротко и испуганно вскрикивали птицы, нутужно жужжали зеленые квазимухи, собираясь в тучу над присыпанным землей и от этого похо-

жим на могильный холм кузовом легкового авто.

Кровь, желчь и прочие жидкости человеческого тела. Порыв ветра дохнул в лица братьев запахом чужой смерти. Светозар поудобнее перехватил копье, а Лан, не говоря ни слова, вынул меч.

За слившимся с землей трухлявым кузовом лежали три мертвых человека. Все были высокими, мосластыми, с бритыми головами и покрытыми застарелыми ритуальными шрамами лицами. Из всех троих торчали стрелы, и глотка каждого оказалась взрезанной от уха до уха. Ноги убитых были обмотаны заскорузлым тряпьем и бечевкой. Это по их следу шли братья, собираясь, согласно плану, сдаться в плен. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: Кривых Шрамов кто-то обхитрил, напал исподтишка, утыкав стрелами, а потом для верности перерезал глотки.

Один из покойников вдруг дернулся и захрипел, выкашливая кровь. Его потемневшие веки распахнулись; взгляд оказался затуманенным и отсутствующим. Лану сразу вспомнилось, как во сне он сражался на Арене с живыми мертвецами. Но этот дикарь не смог бы даже сесть, не говоря уже о том, чтобы с кем-то драться. Его жизнь утекала в землю вместе с кровью из многочисленных ран, и не жизнь это была вовсе, а нечто вроде бега петуха с отрубленной головой.

– Они все еще здесь, – шепотом бросил Светозар, имея в виду тех, кто расправился с Кривыми Шрамами. Взгляд старшего брата метался от одной стороны улицы к другой.

Слишком много укромных мест, откуда можно нанести предательский удар. – Нужно отступать. Сейчас же.

– Есть, – отозвался Лан. – Идем напрямик, самым коротким путем, – он отвернулся от дикаря, уставившегося в серое небо, точно увидел в нем полет ангелов.

Они развернули фенакодусов в сторону Кремля. До Красной площади – меньше километра. С Неглинной через Моховую – на Никольскую, а оттуда рукой подать до крепостных стен. Всего один рывок, и они – под прикрытием тяжелых фузей и пушек.

Как никогда остро почувствовалась нехватка привычного оружия. Лан сейчас отдал бы все за свой «ремингтон» и палаш.

Просвистела стрела. Лан услышал характерный звук, когда наконечник вспорол кожу и мощные мышцы. Фенакодус под дружинником принялся гарцевать, при этом скакун выгибал шею и щелкал зубами, силясь достать торчащее из плеча древко с черным оперением.

Светозар принял щитом вторую стрелу, но третья угодила ему в бедро, пригвоздив к крупу. Почти одновременно слышались щелчки тетивы с другой стороны улицы, и новые стрелы рассекли воздух. Светозар пустил своего фенакодуса вскачь, но у того уже торчали из шеи два черноперых древка. Слепленный болью боевой мутант рванулся с места и тут же налетел грудью на лежащий поперек дороги древний микроавтобус. Заскрежетало гнилое железо, за клубилось облако

ржавой пыли, словно поднятое взрывом. Светозара выбросило из седла. Перелетев через голову фенакодуса и злосчастный старый кузов, он успел сгруппироваться, приземлился на руки и кувырком ушел в заросли кустарника. Несколько стрел полоснули по ветвям, но пущены они были явно для острастки, чем с намерением убить дружинника.

Раненный фенакодус Лана, высоко вскидывая задние ноги, кинулся в противоположную сторону – к перекрестку с Кузнецким Мостом. Лана такой маршрут не устраивал, кроме того, он не собирался оставлять брата один на один с неведомым врагом. Он привстал на стременах, оттолкнулся и прыгнул, крутанув в воздухе сальто. Вся эта акробатика получалась у Лана не так хорошо, как у тренированных с детства дружинников, но все же и он кое-чему научился.

Он приземлился спиной на крышу заросшего зобухами грузовика, и та с грохотом обвалилась под его весом. С двух сторон к нему бежали: на первый и очень быстрый взгляд, это были люди. Все они носили одинаковые маски из черной ткани с прорезями для глаз и рта. На ком-то была камуфляжная форма, позаимствованная, очевидно, на старых военных складах. На ком-то – кольчуги со стальными нагрудниками. На ком-то – одновременно и камуфляж, и доспехи. Но сильнее всего Лана поразило, что как минимум у половины приближающихся в руках были автоматы Калашникова разных модификаций.

Имея такой серьезный арсенал, зачем они применили лу-

ки и стрелы?

Разве только опасались, что пальбу могут слышать в Кремле.

Не было времени, чтоб заниматься построением умозаключений. Нужно было как-то выкручиваться. Светозар ранен, оружия – минимум, к тому же их, судя по всему, хотят взять живыми. Было бы иначе – лучники стреляли бы по ним, а не по фенакодусам.

Половина неизвестных бандитов была вооружена огнестрельным оружием, половина – чем попало: у кого – топоры, у кого – дубинки. А кое-кто разматывал на бегу веревочные петли. Один из лиходеев был уже совсем рядом и даже начал замах дубинкой, которая, кажется, раньше называлась «бита» и использовалась для какой-то спортивной игры.

Лан все еще лежал на земле в куче ржавого железа. Тренированное тело выгнулось дугой, восстанавливая вертикальное положение; одновременно Лан рванул из ножен меч – обратным хватом, чтоб было быстрее. Повезло, что он, покидая крепость, выбрал короткое изделие подмастерья кузнеца, с таким можно было работать, как с кинжалом. В том же движении Лан послал клинок навстречу бандиту. Целился он не в корпус, поскольку сила замаха могла оказаться недостаточной, чтоб пробить доспех, а в руку, сжимающую биты.

Кровь плеснула, словно вода из перебитого трубопровода под давлением. Дружинник – слишком опасный зверь, чтоб взять его живьем и остаться без царапин.

На бандитском поясе имелась предусмотрительно растянутая кобура, увы, Лан не успевал вытащить из нее пистолет. Счет шел даже не на секунды, а на совсем крошечные эфемерные отрезки времени, названия которых Лан не знал. С другой стороны уже приблизились двое, причем, один был с автоматом, а второй растянул двумя руками веревку, прикидывая, как бы обмотать ее вокруг Лана. Бандюган с автоматом что-то крикнул, наверное, что будет стрелять. Лан не стал разбирать слова, он швырнул меч в автоматчика, и тот под большим углом вошел в прикрытое маской лицо: острие пробило передние зубы и нёбо, а вышло над переносицей. Смертельно раненный бандит стиснул спусковой крючок, автомат зло выплюнул несколько одиночных зарядов. Пули ушли, само собой, «в молоко», но они заставили остальных нападающих чуть поостеречься и сбавить шаг.

Лан воспользовался замешательством неприятеля, навалился на налетчика с отрубленной рукой и изъяс из его кобуры пистолет. Старый-добрый ПМ! Если магазин полный, то уже можно жить.

Он снова упал на спину, и с земли справа налево послал по пуле в каждого, чье лицо скрывалось под черной маской.

Давно он уже так не стрелял! От души! Как в последний раз, когда секунды становятся тягучими, словно мед, и заполненными самыми разнообразными и яркими ощущениями.

В кого-то он попал, в кого-то, ясное дело, нет. Но ему уда-

лось сбить налетчиков с темпа и заставить искать укрытие, что для начала – уже неплохо.

– Светозар! – закричал Лан. Хоть в имени брата было три слога, Лан выпалил его на одном выдохе.

У Светозара дела шли куда хуже: бедро пробито стрелой, из оружия – только пара заточек. Копье и щит он потерял, когда летел через голову своего раненого скакуна. Шестеро бандитов атаковали раненого дружинника одновременно со всех сторон. Эх, а Лан надеялся, что ему удалось перестрелять большую часть налетчиков. Выходит – нет. Вряд ли они с братом справятся со всей этой кодлой.

Светозара ударили по спине автоматом, да так, что приклад разлетелся в щепки. Через миг дружинника уже опутали веревочные петли. Бандюганы, что-то приговаривая довольными сладострастными голосами, бодро вязали Светозара по рукам и ногам.

Ба-а-ам!

Брошенный топор угодил Лану в голову. Если бы не шлем, то череп расколосся бы, как гнилой орех. Из глаз посыпались искры, поле боя заволокло невесть откуда взявшимся туманом. Лан упал набок, перекатился, собираясь одним прыжком преодолеть расстояние до лежащего на траве автомата. Однако ноги подкосились, и прыжок не удался. Лан рухнул, на спину ему в тот же миг навалились сразу несколько человек. Ему попытались заломить руки, запястье почти нежно пощекотала веревка.

Лан заревел, точно впавший в боевое безумие нео. Он слепо рванул вперед, стесывая об остатки дорожного покрытия лицо, выламывая сапогами из растрескавшегося асфальта куски. Он выскользнул из-под кучи-малы. Перевернулся на спину, одновременно рубанул наугад ногой. Мысок сапога угодил в твердое; твердое с сухим треском сломалось и стало податливым. Один из бандитов выронил веревки и закрутился волчком, обхватив ладонями нижнюю часть лица. Другой перехватил автомат и направил ствол на Лана. Юный дружинник перекатился, на линии выстрела оказался бандит с раздробленной челюстью: тот, обезумев от боли, продолжал вертеться на месте, точно вознамерился забуриться в землю.

– Лан! Уходи! Уходи! – прозвучал за спиной отчаянный крик Светозара. Бандиты, закончив вязать старшего брата, кинулись к младшему.

Туман по-прежнему застилал взор. Дымка становилась то гуще, то реже, но не исчезала. Силуэты неприятелей двоились, в ушах стоял звон, а во рту чувствовался привкус крови.

Лан прыгнул, оттолкнувшись от земли руками и ногами, точно зверь. Заскочил на крышу вросшей в грунт легковушки, скатился по трупам Кривых Шрамов, и, не останавливаясь, кинулся в заросли.

В него стреляли, но снова – из луков. Стрелы пели, проносясь над головой. Лан шел напролом, невзирая на то, какую преграду ему предстоит форсировать: очередную ржа-

вую грудь, бывшую некогда автомашиной предков, или нагромождение бетонного лома, а может – полосу хищной растительности, что тщетно пыталась оплести его гибкими ветвями.

Фасад двухэтажного строения скрывался под сетью тяжелых, похожих на щупальца, выюнов. Лан нырнул в оконный проем, и его тут же окружил сырой и липкий сумрак. Юный дружинник приземлился на циновку из полумертвой, задавленной более успешными конкурентами, мутировавшей флоры, видом и запахом больше напоминавшей водоросли, чем траву. Он рывком встал и, не обращая внимания на головокружение и тошнотворный треск в ушах, кинулся в глубь строения.

Его преследовали. Он не слышал идущих за ним бандитов, поскольку все звуки мира глохли на фоне трезвона, раздрающего ему черепную коробку, но он точно знал, что ему не позволят уйти. Точнее – попытаются не позволить, он же со своей стороны сделает все, чтобы преследователи умылись кровавыми слезами.

У него остались заточки, он вытащил сразу четыре и крепко стиснул в кулаке. Строение неожиданно оборвалось, сквозь обширный пролом в стене был виден двор, заросший высоченной сорной травой. Лан бросился вперед, к зданию на противоположной стороне двора, но почти сразу оказался лицом к лицу с черным человеком, который безмятежно стоял в дебрях бурьяна и миролюбиво глядел перед собой

через полуопущенные веки. В правой руке незнакомец держал округлый предмет, Лан даже не сразу вспомнил, как он называется.

Черный истукан был памятником, а загадочный предмет в руке – шляпой.

Преследователи вывалили во двор следом за Ланом. Один был вооружен луком, второй – увесистой дубиной, а третий тащил моток веревок, впрочем, на ремне за спиной у последнего болтался еще и автомат. Примятые, раздвинутые сорняки безошибочно указывали, куда направился беглец. Встреча в зарослях с неподвижной человеческой фигурой оказалась неожиданной и для бандитов, они застыли в напряженных позах, но почти сразу дружно перевели дух.

В этот миг из-за спины черного монумента выпрыгнул Лан и швырнул с обеих рук по заточке. Он целил в головы преследователей, поскольку их туловища могли оказаться защищенными или кольчугами, или одеждой с вшитыми тонкими металлическими пластинами, которая, кажется, назвалась «бронежилетом». Обе заточки попали в цель, и два бандюгана одновременно рухнули, словно подкошенные. Не теряя ни секунды, Лан приготовил вторую пару заточек – до этого он держал их в зубах, – но бросить уже не успел. Последний уцелевший налетчик – здоровенный, почти как неопу, увалень с дубиной – был слишком близко.

Могучий удар пришелся на защищенный кольчугой бок. Лана отбросило в сторону, в падении он метнул заточку, но

та лишь зацепила бандиту плечо.

Жесткие стебли сорняков-великанов не позволили Лану упасть, спружинив, они толкнули дружинника на неприятеля. Лан поднырнул под тяжело разрубившей воздух дубиной и ткнул заточкой в прикрытый камуфляжной курткой живот. Острие сразу напоролось на что-то непробиваемое и скользнуло в сторону. Похоже, и в самом деле – бронежилет. Неприятель снова замахнулся, и очередной его удар пришелся вскользь по шлему дружинника.

Трезвон ушах мгновенно стал в сто крат сильнее. Усилием воли Лан запретил себе терять сознание. Силуэт противника то исчезал, то проявлялся сквозь серый туман, снова застеливший взор.

Лан отступал, пятясь сквозь заросли. Силы покидали его. Боль в пылу сражения не ощущалась, но тело стало ватным, выучка позабылась, а мысли превратились в скисшее молоко; работали лишь рефлексy.

В конце концов, за спиной оказалась стена, с которой свисала живая сеть из разноцветных плющей. Лан схватился за два стебля и дернул, точно надеялся, что сверху упадет стальная заслонка, которая отделит его от неуклонно приближающегося неприятеля. Заслонки не оказалось, зато свалился кусок карниза – как раз между Ланом и бандитом. Брызнуло каменное крошево, вспухло облачко едкой пыли. Бандит отшатнулся, Лан метнулся через пыль ему навстречу. Стремительно, словно атакующий рукокрыл, он обмотал во-

круг запястья противника стебель выюна, лишив его возможности замахнуться дубиной, затем по дуге переместился за спину бандита и набросил на шею петлю, скрученную из того же стебля. Выюн был прочным, одеревеневшим. Петля врезалась в глотку врага, точно толстая проволока.

Дальше все происходило в молчании. Бандит упал на колени и сдавленно засипел, сисясь вобрать в опавшие легкие хоть немного воздуха. Одновременно он пытался расцепить захват на горле, на его могучих плечах взбугрились мышцы, ткань куртки затрещала, расходясь по швам. Лан тоже давил молча, навалившись на загривок бандита всем весом.

Борьба затягивалась. В здоровяке было слишком много жизни, да и петля, похоже, не перекрывала полностью доступ воздуха. Лан понял, что у него почти не осталось сил удерживать бандита в захвате: еще немного и сознание погаснет окончательно. Дружинник выпустил из онемевших пальцев стебель. Бандит наклонился, коснувшись земли закрытым черной маской лицом, судорожно вдохнул...

Лан выхватил заточку и одним движением, точно большой гвоздь, вбил ее противнику в затылок, прихлопнув по сжимающему рукоять кулаку правой руки ладонью левой.

С полминуты Лан стоял в окружении безмолвно покачивающего кудлатыми верхушками бурьяна и рассеянно озирался, словно позабыл, кто он и как здесь оказался. Затем его взгляд упал на мертвецов, лежащих у подножья памятника. У одного из них был автомат!

Лан оскалился. Точно так же глупо и щербато усмехался великовозрастный кремлевский дурачок Максимка, всю жизнь ходивший в помощниках у скотника и живший в камерке в хлеву – через деревянную стену от тура-производителя.

Налетчики за Ланом больше никого не послали: и без того были велики их потери. Но скоро они станут еще значительнее. Лан вытянул из-под подрагивающего в конвульсиях мертвеца испачканный кровью АК-74. Приклад был туго обмотан жгутом, а на цевье темнели выжженные руны: наверное, какая-то бесполезная магия-шмагия для улучшения боевых характеристик. Лан залез в подсумок убитого и достал пару скрепленных клейкой лентой магазинов.

Вот теперь можно и повоевать!

– Эй! – крикнул Лан, повернувшись в сторону скрытой развалинами Неглинной улицы. – Эй! – его голос сорвался в мальчишеский дискант. – Теперь у меня есть автомат, сукины дети!

Кем были эти налетчики? Точнее, какую из многочисленных враждебных Кремлю группировок они представляли? Зачем они напали на двух дружинников, а перед этим – уничтожили отряд Кривых Шрамов?

Вопросы, вопросы... Голова кругом от этих вопросов! А Светозар тем временем в лапах у неприятеля. Нужно спешить! Нашпиговать свинцом всех, кто вероломно атаковал из засады. Спасти брата, пока он еще жив. Скорее! Скорее!

Лан пошел через заросли, в голове гудело и резонировало, из этого шума возникали голоса, обрывки чьего-то злорадного смеха, визгливые животные вопли. Лану казалось, будто он слышит трибуны Арены, и что за его перемещениями и попытками выжить наблюдают сотни зрителей.

Дебри сорной травы не знали конца и края. Лан целую вечность брел через сумрачные, насыщенные дурманящими испарениями джунгли. Несколько раз он падал, но каждый раз вставал, опираясь на жесткие, словно стальные прутья, стебли. Он уже давно должен был выбраться из проклятого двора и выйти на Неглинную, но развалины по-прежнему возвышались над ним со всех сторон, словно стены клетки.

Лан почувствовал, как что-то теплое щекочет ему подбородок. Он провел по лицу шершавой ладонью: кровь! Кровь обильно текла из носа и из-под шлема. Похоже, на этот раз его голове действительно крепко досталось.

Он присел, упер автомат прикладом в землю. Легкие работали, словно кузнечные меха, кольчуга звенела в такт дыханию. Брат был рядом, рядом были и их общие враги. Всего один рывок... Еще немного потраченных сил...

Лан закрипел зубами, затем повалился на бок.

В проломе стены возникла трепетная – словно огонек свечи, словно отражение в зеркале потревоженной воды – фигурка. Тонкая рука была протянута к Лану.

– Мара... – прошептал он, и на душе сразу появилась легкость, которую не описать словами. Он поднялся над разва-

линами, над клочковатыми облаками, увидел с высоты окруженный рвами Кремль, увидел похожую на гигантское перевернутое корыто Арену, увидел мелкие, словно мураши, фигурки налетчиков, уводящих в плен связанного дружинника. Но, наверное, был всего лишь сон.

Холодная, воняющая тухлятиной вода накрыла его с головой. Лан понял, что тонет. Он дернулся всем телом, но это ни к чему не привело; руки и ноги не слушались, он был беспомощен, а от нехватки воздуха уже горело в груди.

Он открыл глаза, ожидая увидеть серую муть, расчерченную редкими солнечными лучами, пробившимися сквозь грязь на поверхности реки. Однако выяснилось, что он не идет на дно, а всего-навсего сидит в луже, и что перед ним стоят вооруженные люди. Причем, один из молодчиков держал в руках пустое брезентовое ведро.

Ветхая одежда, гривы спутанных волос, бороды, грязные лица, покрытые язвами и опухольями. Оружие – либо дульнозарядное, либо вовсе простецкое – луки, самострелы, топоры и сабли. Что ж, час от часу не легче. Лан переводил взгляд с одного рыла потомственного разбойника на второе. Некоторых он узнал.

– Доброе утро, дружище! – обратился к Лану громила с двумя дульнозарядными пистолями за поясом. – Уж за полдень, а ты все спишь и спишь.

Его приятели засмеялись. Но без особого веселья, с на-

стороженностью.

– Я тебе вспомнил, – сказал Лан напрямик. – Ты – главарь тверской группировки. Ты вытащил меня из лап мамыши Лу и ее сыновей.

– Я тебя тоже узнал! – фальшиво обрадовался шеф тверской группировки. – Ты – парень из Кремля! В первую нашу встречу ты назвался пахарем, а сегодня ты в железе, как какой-то дружинник!

– С нашей первой встречи много воды утекло, – проговорил Лан, а потом сплюнул, поерзал задом по свежей грязи. Сапоги с него, само собой, сняли. И шлем. И оружие отобрали. Какой-то тип в тюрбане на ассиметричной, искаженной мутацией голове, теперь гордо носил на ремне автомат, который Лан позаимствовал у убитого налетчика. Быстро же в этом мире нужные вещи меняют владельцев...

Голова раскалывалась, но более-менее соображала, и зрение со слухом вернулись в норму. Лан не мог понять, где он находится; похоже, его утащили в глубь Тверского района, пока он был в отключке. Вокруг возвышались однообразные руины, взгляд не цеплялся ни за один знакомый ориентир.

– На вас мне плевать, – его голос был сухим и отрывистым, как лай старого крысопса. – Банда в черных масках, вооруженная старинными стволами. Была на Неглинной утром, атаковала наш разъезд. Вы знаете, кто это?

Шеф тверских покачал головой, внимательно глядя на Лана.

– Они от вас мокрого места не оставят, если вы случайно заступите им дорогу, – честно предупредил Лан.

Главарь развел руками. Мол, чему быть, того не миновать.

– И что дальше? – поинтересовался Лан, силясь поднять-ся. – Мне нужно найти этих черномордых и свести кое-какие счета...

В его плечи вцепились с двух сторон и снова усадили в грязь.

– Каждому из нас нужно с кем-то свести счета, – фило-софски проговорил главарь. – Мечь – одна из древнейших человеческих страстей. Это опасное, темное чувство, парень из Кремля, никого оно до добра не доводило. Однако мне известно, что кое-кто даст за тебя приличную цену, – он даже мечтательно прищурился, словно представил блеск серебря-ных монет.

Проследить за ходом мысли главаря было немудрено. Тем более это именно он в прошлый раз продал Лана дельцам Новоарбатовки в качестве бойца Арены.

Несмотря на то, что еще утром перед Ланом стояла задача попасть в Новоарбатовку, беспокойство о судьбе брата пере-крыло прочие заботы и устремления. Он должен был отбить Светозара у этих типов в черных масках; поэтому оказаться на Арене именно сейчас было бы очень некстати.

– Кремль даст за меня выкуп! – заверил он мародеров. Са-мому противно стало – вымаливать у вонючего отребья сво-боду. К тому же, он был уверен, что черный порох, сталь или

еда, которыми обычно платят выкуп, Кремлю пригодились бы гораздо больше, чем жизнь вчерашнего пахаря, самого отстающего по боевой подготовке дружинника. Но речь шла о спасении Светозара!

Тверские захмыкали, переглянулись, послышалась приглушенная ругань. Главарь же покачал головой.

– Старый друг – лучше новых двух. В Новоарбатовке у нас наработанные связи, партнеры, кредит доверия. А Кремль... – он подергал себя за бороду. – Кто знает, как поведут себя твои приятели? Может, они начнут палить из пушек, как только мы выйдет из-за ГУМа.

– Слишком много чести – тратить ядра и порох на каких-то мародеров, – пробурчал Лан. Он понимал, что все увещевания бесполезны. Тверская шайка мысленно делила премию, которую Профессор отсыплет за беглого гладиатора. И премия эта, наверняка, была больше, чем мог предложить Кремль за спасение его жизни. – Наша община не забывает добра, – попытался он в последний раз, – и когда зимой вам не будет хватать еды, то вам нужно будет только дать знать...

– Я просто хотел посмотреть, каков он – человек, который бросил вызов Арене и утер нос наемникам Профессора. Я с первого взгляда разглядел в тебе талант, парень из Кремля. Талант убийцы.

Сказав это, главарь отвернулся. Ему стало неинтересно продолжать разговор с дружинником, сидящим в луже.

– Выдвигаемся, – бросил он, и шайка тут же взяла Лана в кольцо.

Пара мародеров помогла пленнику подняться на ноги. Лан безразлично потрянул плечами, точно мух отгонял. Велика заслуга: связали раненого воина, пока тот был без сознания, а теперь строят из себя крутых парней. И угораздило же так влипнуть...

Солнце висело в зените раскаленным горном, жгучий свет неторопливо просачивался сквозь серую дымку, затянувшую небо. Мародеры знали в своем районе каждую руину, однако все равно передвигались дисциплинированным походным порядком, проверяя и перепроверя все подозрительные ямы, закутки, входы в подвалы и строения, в которых могли прятаться мутанты или другие бандиты, или же бандиты-мутанты. Мушкеты, фузеи, аркебузы, ручные картечицы – тяжело было найти два одинаковых ствола, у Лана даже в глазах запестрело от этого дульнозарядного разнообразия.

Идти было не очень весело. Портянки размотались, и теперь они только путались под ногами, абсолютно не защищая от острых камней, стекла и ржавья. Хорошо, что подошвы и пятки у него были твердокаменными, пахарскими, с такими и по углям пройти не страшно.

Лан тоже внимательно глядел по сторонам. Была слабая надежда, что его выручат разведчики Ворона. Но если они и присматривали за угодившим в переделку дружинником, то

никаких намеков на их присутствие не угадывалось. Но на то они и разведчики.

Время от времени на отдаленных высотах появлялись одинокие фигуры нео: это были наблюдатели, которые бесстрастно фиксировали передвижение вооруженных отрядов. Тверской группировке человекоподобные мутанты дорогу не заступали, может, договоренности были какие-то, а может, пока не пришло время.

Впрочем, на финальном отрезке пути отряд тверских перешел на бег. Лан так и не понял, в чем причина спешки. Но там слишком много всего бросалось в глаза: и многочисленные следы био разных видов, и металлический блеск отдельных, но нагло ведущих себя стальных сколопендр, предвещающих скорое появление всего роя, и тонкий слой желтоватой слизи на тропе, который говорил, что совсем недавно здесь побывал опасный мутант котях.

Отряд вбежал на свободную от габаритного мусора пыльную площадку, и лишь тогда последовала команда сбавить шаг и перевести дух. Лан ощутил гнетущую, а точнее – голодную, ауру этого места. Находиться здесь – все равно, что оказаться один на один с ненасытным зубастым био, вроде «Рекса» или «Раптора». Но никаких био поблизости, к счастью, не наблюдалось. Зато на глаза попались два трупа, которые оказались высохшими, словно забытые в духовке сухари; Лан даже не сразу понял, что это – покойники, а не груды заскорузлого мусора, за которую он их принял с пер-

вого взгляда.

Пленник и мародеры отдыхали недолго, вскоре послышались шаги и кляцанье перекатывающегося под подкованными каблуками щебня. Кто-то приближался, не таясь. Тверские тоже особого беспокойства не проявляли, даже немного расхорохорились.

– С чем пришли? – послышался размеренный, скучный голос.

– Пришли мы выразить свое почтение, дорогой хозяин! – проговорил главарь. – И подарить за деньги вот этого человека.

Мародеры расступились, чтоб пришедшие могли увидеть Лана.

Ни сам Кудесник, ни его нарочито богатый наряд не изменились. Та же кучерявая, похожая на лобковые волосы борода, те же уныло-бесстрастные глаза, те же скупые ленивые жесты.

Впрочем, с их последней встречи прошел всего месяц. Это для него, Лана, время выдалось насыщенным событиями и сильными эмоциями. А вот для Кудесника оно наверняка было заполнено всякой администраторской рутинной, бухгалтерией, ворчанием Профессора, капризами девочек из танцевальных ансамблей, выступающих на Арене в перерыве между гладиаторскими сражениями.

Вместе с Кудесником пожаловал Хомут – старый знакомый! – охранник с Арены, верный крысопес новоарбатских

дельцов. Хомут был как всегда в камуфляже и с дробовиком, небрежно лежащим на плече.

Еще пришли трое необыкновенно хмурых, серокожих, словно несвежие трупы, парней в простой крестьянской одежде. Они не походили на головорезов, но их внешность была настораживающей и отталкивающей, а глаза – стеклянными, как у насекомых. Чутье дружинника подсказывало Лану, что эти молодые люди опасны. Опаснее, чем Хомут, чем любой из мародеров. А почему – непонятно, и от этого было еще тревожнее.

Кудесник поглядел на пленника без интереса.

– За этот товар уже было заплачено, – проговорил он, обращаясь к главарю тверских.

– Ха-ха! – оскалился тот, показав плохие зубы. – Уверен, что вы с Профессором не поскупитесь и сегодня! Тот, кого вы так долго искали! Тот, кто отправил к праотцам кучу ваших людей! Тот, за кого была обещана награда!

Его подельники возбужденно загомонили. Всех буквально трясло от предвкушения крупного барыша. Очевидно, слишком долго они перебивались с хлеба на воду: руины разграблены лет сто назад, нео беспредельничают. К тому же, имея в основном дульнозарядные стволы, тверские не способны конкурировать с более оснащенными бандитскими группировками.

– От дружинника слишком мало проку на Арене, – сказал Кудесник. – Товар беспокойный, непокладистый. Я дам за

него... – помощник профессора прищурился. – Три серебряных «Георгия».

Главарь тверских опешил. Его люди на миг притихли, а потом приглушенно зароптали. Благодушие, которое только что читалось на их лицах, мигом куда-то подевалось.

– Да ты что, Кудесник! Шутить изволишь! – главарь одним прыжком переместился к Лану и сжал большим и указательным пальцами пленнику заросшие юношеской щетиной щеки. – Да это же тот самый! Беглый гладиатор! Тот, за кого Профессор обещал отсыпать золота по его весу! Не узнал, что ли? Вот ты, Кудесник, уморил! Я и не думал, что ты умеешь так шутить!

Кудесник развел руками. Лан шкурой ощущал нарастающее напряжение. На площадку, на которой шел торг, словно опустился купол из прозрачного стекла, и теперь под этим куполом как будто становилось все меньше и меньше воздуха.

– Прежние договоренности утратили силу, – на тонких губах Кудесника появилась легкая улыбка. – Мы больше не ищем беглых гладиаторов. К трем монетам я могу добавить связку арбалетных стрел, черный порох и мешок сухарей.

– Я чего-то не понимаю, Кудесник, – главарь положил ладони на рукояти пистолей, торчащих из-за пояса. – Поправь, если я не прав...

На холеном лице Кудесника появилось брезгливое выражение.

– Вы подняли на уши весь Центральный округ! – просипел севшим от гнева голосом главарь. – Всех! Наемников! Братков! Мутантов! – перечислил он, приближаясь к собеседнику. – Вы сулили горы золота и «ништяков»! И вам даже было наплевать – вернут вам рабов живыми для прилюдного смертоубийства или мертвыми для поругательства, – он понизил голос: – И теперь, говоришь, договоренности утратили силу?

– Да, – ответил Кудесник, словно само собой разумеющееся.

– Батяня, а давай вернем его в Кремль за выкуп! – бросил главарю один из подельников, но шеф лишь сердито отмахнулся, заставив напрячься стоящих за спиной Кудесника серолицых телохранителей.

– Подозреваю я, Кудесник, что ответ был бы другим, если бы парнишку вернули не мы, а, допустим, пацаны из Замоскворечья. Или люди маркитантов Арбата. Или савеловских маркитантов. Или Рарги. Или Ззарги. Им бы ты заплатил обещанное честь по чести без единого косого взгляда. Без попыток сбить цену или повесить дерьмо на уши. Подозреваю также, что ты относишься к нам без должного уважения, – главарь стоял, задрав нос, практически вплотную со вторым человеком Новоарбатовки; их бороды то и дело соприкасались, порождая крошечные, но все же заметные электрические разряды. – Так скажи мне, Кудесник, что заставляет тебя думать, будто ты способен развести нас, се-

рьезных людей, на пальцах, будто младенцев?

Лан понял, что дело уже не в цене за его голову, а в принципе. Раздутое чувство собственного достоинства главаря уязвлено, он мечтал сорвать банк, а в итоге получил кукиш. Причем – в присутствии всей шайки. Кудесник, которого сопровождали всего четыре охранника, вел себя подобно железным сколопендрам, встреченным тверским отрядом по пути сюда: то есть нагло и вызывающе. Плевать ему было на мятые мушкеты и ржавые ручные бомбарды, обещанную награду он платить не собирался. Слишком много чести для немойтой кодлы мародеров.

Снова прозвучало предложение вернуть Лана в Кремль, устами этого разбойника вещал сам здравый смысл; но кто будет прислушиваться к здравому смыслу, когда речь идет о бандитской чести и авторитете группировки?

– Что уставился, слизняк, сын котяха и бешеной нео... – главарь поймал Кудесника за край его щегольского плаща. – Откуда у тебя такие шмотки? Мужеложец ты эдакий! Молчишь, крысопесье дерьмо? Язык проглотил? Мы не уйдем, пока не получим свое и компенсацию за моральный ущерб!

– Вик, – сказал Кудесник, глядя в налитые кровью глаза главаря. Может, не сказал, а просто пискнул, или голос у него сорвался на середине слова.

Но в тот же миг один из серолицых телохранителей шагнул вперед, вскидывая руку. Блеснула сталь ухоженного и отполированного до зеркального блеска клинка. Главарь от-

шатнулся, прижимая ладонь к длинной, но поверхностной ране на предплечье. Капли крови тяжело, будто расплавленный свинец, забарабанили по покрытому коркой спекшейся пыли асфальту.

Дальше произошло нечто непонятное. Главарь засипел и повалился на колени. Кудесник отшагнул, словно испугался за чистоту своего плаща или хромовых сапог.

«Отравленное лезвие?» – подумалось Лану.

По грязному лицу мародера разлилась неестественная бледность, проявились дорожки вен, словно кровь в них заменили иссиня-черными чернилами.

Ударивший главаря серолицый почти сразу оказался на земле. Лан решил, что кто-то из тверских пырнул его ножом в отместку за шефа. Но, что странно, на мертвенном лице телохранителя проступил тот же рисунок вен. Так же, как и шеф мародеров, он засипел, жадно хватая ртом воздух.

Лан неожиданно понял, что тверские бегут. Не всех, но половину шайки словно ветром сдуло. А с главарем и телохранителем продолжали твориться непонятные Лану и страшные вещи. Их плоть усыхала, превращаясь в нечто, похожее на растрескавшуюся древесную кору. Одежда на обоих моментально стала просторной, мешковатой. Глаза ввалились, обескровленные губы почти исчезли, открывая пугающий оскал. Они были все еще живы, хотя уже почти не отличались от втоптаных в мусор мумий, которых Лан заметил у края площадки. Главарь из последних сил повернул-

ся к пленнику и неразборчиво прохрипел. Наверное, он выражал сожаление, что не прислушался к голосу разума и не отдал Лана людям Кремля за выкуп. Поздно, батяня или как там тебя, прошлое не перепишешь.

Главарь и телохранитель одновременно испустили дух. Но выглядели они так, точно года два пролежали зарытыми в сухой песок. Наверное, более сухими могли быть лишь мушиные трупики, что давно болтались на старой паутине на солнышке. Послышались хлюпающие звуки: это блевал Хомут, придерживая одной рукой дробовик, чтоб не запачкать.

Кудесник удовлетворенно хмыкнул. Лан подумал, что остатки банды тверских сейчас изрешетят его вдоль и поперек. Но мародеры лишь обалдело пялились то на две мумии, скорчившиеся у их ног, то на нарочито невозмутимого представителя Новоарбатовки, то на двух серолицых телохранителей, что подступили ближе, словно желая отрезать тверским пути к отступлению.

– Мертвая земля выпила кровь убийцы и убитого, – говорил Кудесник. – Но свою жажду она не утолит никогда. Кто еще готов применить на этом месте оружие? Есть такие?

– Говоришь, пять серебряных монет, стрелы и сухари? – спросил заискивающим голосом мародер с тюрбаном на кривой голове. – Мы согласны, Кудесник. Забирай парня! Он твой!

Лан фыркнул. Как же он все-таки презирал мародеров – эту мерзкую, трусливую породу, которая представляла опас-

ность, лишь имея численный перевес и прочие преимущества над противником.

– Из-за вашего упрямства я лишился одного из приказчиков, – холодно произнес Кудесник. – А он обошелся мне куда дороже, чем вы можете представить своими мелкими, подточенными глистами и радиацией мозгами. Только пять монет! – он сдвинул брови. – И расходимся подобру-поздорову.

– Ладно-ладно, Кудесник! – зачастили тверские. – По рукам!

– Еще чего... держите свои руки при себе! – помощник Профессора снял с пояса туго набитый кошель, отсчитал монеты и бросил их на землю.

Один из серолицых подошел к Лану и положил руку на его плечо. Тщетно Лан пытался разглядеть на бледной физиономии хоть какие-то человеческие чувства: скорбь по погибшему товарищу, быть может, – гнев на Кудесника, или надлом и нежелание выполнять приказы. Ничего не читалось в стеклянных глазах. И пахло от него не как от человека, а какой-то химией. Лан подумал, что телохранитель Кудесника – на наркотиках, и те, выходясь из тела с потом, в ответе за этот запах.

Лан поднялся и пошел, опустив голову, туда, куда вели его люди Кудесника. При этом он постарался не задеть босыми ногами два мумифицированных тела, что лежали друг напротив друга на середине пыльной площадки.

Кудесник свернул на тропинку, что вела между высоченными грудками колотого кирпича и бетонных обломков. Хомут пошел сразу за ним, а Лан оказался рядом с двумя серолицыми.

– Как поживает Профессор? – поинтересовался Лан, осторожно ступая по россыпям щебня.

– Ты с ним встретишься, – уклончиво ответил Кудесник.

Лан хохотнул. Само собой, они встретятся! Позер Профессор не откажет себе в удовольствии плюнуть беглому гладиатору в лицо, а затем превратит свою личную месть в эпическое шоу.

Интересно, а сможет ли он – босой, не вполне оправившийся после ранения и со связанными руками – справиться с четырьмя? Ведь приличное оружие есть только у Хомута. Серолицые хмыри, вроде, неплохо обращаются с ножами, но ему хватит и ног, чтобы вырубить обоих. Кудесник не вооружен, к тому же он не производит впечатления человека силового действия.

Лан напрягся, мысленно прокручивая вероятный ход предстоящего поединка. Шансы были невелики, ведь Хомут одним выстрелом, даже не особо целясь, мог превратить его в решето.

Незадача. Так он и Светозару не поможет, и задание воеводы не выполнит. Черт, еще и эта миссия – как ком в горле. Но от мифического нейроманта, слава богу, в данный момент не зависит жизнь общины. Это во время похода на

Арбат сотни раненных защитников Кремля нуждались в дефицитных лекарствах, причем – срочно. А сейчас дело было связано, скорее, с перспективой. Ну ее, эту перспективу, крысопсу под хвост! Брата нужно выручать, причем – как можно скорее! И если удастся вырваться из плена, а затем – спасти Светозара, то он с готовностью понесет любую ответственность за провал текущего задания.

Значит, решено. Сначала – Светозар, а потом все остальное. Воеводе можно будет сказать правду – действовал по обстоятельствам. Если Военный Приказ посчитает нужным – пусть разжалуют его в пахари. А еще лучше – изгонят из крепости, тогда он с чистой совестью сможет отправиться на поиски Мары.

От этих хаотичных мыслей разболелась голова. Носом снова пошла кровь, с подбородка закапало. В хорошей же он форме, чтоб идти с босыми пятками на ножи и дробовик. Что делать? Ведь ограда Новоарбатовки уже близка; когда он окажется за частоколом, выбраться на свободу будет во много раз сложнее.

Лан, борясь с подступающим отчаянием, осмотрелся.

Если пластуны Кремля сейчас наблюдают, то самое время им вмешаться. Но разведчиков Лан опять не увидел. Зато обнаружил, что из-за ржавой, оплетенной выюнами опоры, венчающей одну из кирпичных груд, на них сверху пристально глядит «Раптор В1». На помятом, много раз отремонтированном корпусе био остались следы камуфляжной раскрас-

ки. Когтистые пальцы на передних лапах – таких похожих на человеческие руки – то сжимались, то разжимались, словно робот держал в ладонях по невидимому пульсирующему сердцу. Человеческие глаза, укрытые за мутными, треснувшими бронестеклами, излучали ненависть ко всему живому и всепоглощающее чувство голода. Но все же «Раптор» не нападал, и лишь непрерывное шевеление пальцами говорило, что он ведет нешуточную внутреннюю борьбу, кое-как удерживая себя от нападения на маленький отряд Кудесника.

Сначала Лан подумал, что здесь действительно не обошлось без чьего-то сверхъестественного вмешательства. Чтобы «Раптор» не набросился, видя перед собой легкую цель, – быть такого не могло! Не дробовика же он опасается. И фраза воеводы, дескать, Новоарбатовку может опекать один из этих нейромантов, обрела для Лана более определенный смысл.

Потом Лан подумал, что при попытке к бегству его добьет если не охрана Кудесника, то уж точно «Раптор».

Следом за этой мыслью пришло осознание, что он проиграл. Выкидывать фортели сейчас – самоубийство. Придется затаиться и снова подыгрывать дельцам Арены, чтобы выжить. А выжить нужно, потому что Светозар в плену у неизвестных. Потому что где-то там Мара в одиночку пробирается через населенные неведомыми мутантами окраины Москвы. Потому что Кремль ведет борьбу с полчищами нелюдей, стремящихся или изничтожить род людской под корень, ли-

бо загнать в каменный век, опустив до уровня трупоедов.

Остальные тоже заметили присматривающего за ними «Раптора». Ускорили шаг. Один из серолицых толкнул Лана между лопаток, и тот едва не потерял равновесие на месиве из кирпичного и бетонного лома. Но пленник молча проглотил этот толчок, даже не взглянув на обидчика.

За воротами Новоарбатовки его узнали. Завсегдатаи зрительских трибун Арены – бандиты и мародеры всех мастей, приходящие сюда, чтобы расслабиться и спустить награбленное, маркитанты, караванщики, бродяги-одиночки, мутанты, сохранившие привязанность к человеческой среде; местные жители, занятые в обслуживании Арены, новоарбатские кузнецы, плотники, гончары, кожевники, повара, лекари, огородники, шлюхи, скотники, торговцы – все, так или иначе, реагировали на появление Лана. Кто-то бормотал проклятья и плевал ему в след, потому что в свое время Лан вместе с Титаном и Марой отправили на корм трупоедам многих уважаемых наемников и охотников за головами. Кто-то изумленно таращился, а потом начинал похихивать, показывая кулак с выставленным большим пальцем вверх, – эти люди помнили Лана в бою и открыто соперничали ему, когда на беглецов была объявлена охота. Кто-то тут же бежал в контору Арены, чтобы сделать новую ставку. Кто-то старался обойти Лана десятой дорогой.

Над приземистыми и неказистыми строениями Новоарба-

товки возвышалась Арена. Ее деревянные стены резонировали от гомона зрителей, звона железа, криков дерущихся рабов и боя барабанов. Этот зов Лан слышал даже за стенами Кремля; этот зов наполнял его неосознанной уверенностью, что он еще вернется на серый песок ристалища, чтобы лить кровь – свою и новых соперников – на радость толпе, которую он презирал. Это был его кошмар, его судьба и его путь.

Арена была голодна: так же, как и встретившийся им по дороге «Раптор». Арена рычала, ощущая, что беглец, который задолжал ей последний бой, вернулся.

Кудесник что-то проговорил Хомуту, а затем ушел. Серолицые последовали за ним, точно привязанные. Неподалеку от Лана и его оставшегося в одиночестве сопровождающего стали собираться наемники, блюдушие в Новоарбатовке порядок. Почти у каждого из них имелся на Лана зуб.

– Ну, что ж, – сказал Хомут. – Это – твой новый дом, – и он указал стволом дробовика на сруб из бревен хищных деревьев, что стоял по соседству с Ареной. Темные доски с отчетливым рисунком растительных псевдомышц, сосудов и пищеварительных каналов, плоская крыша, обросшая желтым гниlostным мхом, широко распахнутая двустворчатая дверь, клубящийся сумрак за порогом и резкий, вышибающий слезу животный смрад, что распространялся от строения волнами – узилище? живодерня? Лан не понимал, что ему уготовано; он ожидал, что после короткой беседы с Профессором, во время которой хозяин Арены вдоволь поглу-

мится и позлорадствует над пленником, его сразу бросят в бой. Профессор не упустит возможность устроить грандиозное шоу, а Лану, как всегда, останется лишь одно: выживать-выживать-выживать и снова выживать.

Хомут подтолкнул Лана к срубу.

– Ты полегче с руками, я не всегда буду связан, – предупредил мордоворота пленный дружинник, на что Хомут лишь шепотом выругался и смачно сплюнул.

Из сруба доносились странные звуки: вздохи, неразборчивое бормотание, гнусавое мяуканье и шипенье. Лан, морщась, перешагнул порог. Вонь была куда ядреней, чем в кремлевском хлеву с турами и свиньями. Сумрачный коридор с покрытым жирной грязью полом из неструганных досок тянулся метров десять. По обе его стороны виднелись ржавые и местами сильно погнутые решетки. Клетки... Множество клеток, размером, примерно, три на три, и в каждой кто-то находился.

Ну, точно – тюрьма. Как прозаично... Неужели Профессор решил упрятать в застенки прославившегося несколькими удачными боями и еще более удачным побегом бойца? В таком случае шоу не состоится, а для Профессора шоу – важнее всего, это и его репутация, и богатство, и, в конце концов, форма самореализации. Ведь это он сплел паутину, а бойцы, равно как и зрители, – лишь угодившие в сеть мошки.

В дальнем конце коридора маячили громоздкие фигуры. Пузатый здоровяк с лицом идиота и распирающей драную

майку почти женской грудью двинулся навстречу Лану. В его жирных, но безусловно сильных руках была зажата двухметровая жердина с петлей на конце, – такой штукой, наверняка, удобно ловить диких животных. Из-за спины здоровяка на Лана боязливо поглядывало существо столь чумазое и забитое, что его оказалось трудно с первого взгляда назвать человеком. Наверняка, это был немолодой дурачок из местных, который выполнял самую грязную работу.

Лан во все глаза глядел на приближающегося здоровяка, но особенно – на жердину с петлей в его лапищах. Не очень бы хотелось, чтоб эта веревка оказалась на шее.

Оглушительно лязгнуло железо, и возле головы Лана промелькнуло, самую малость не дотянувшись до виска, щупальце с длинным кинжаловидным когтем на конце. Лан дернулся, собираясь упасть и уйти перекатом подальше от опасности, но Хомут поймал его за локоть. В тот же момент здоровяк набросил пленнику на шею петлю. Лан оказался обездвиженным. Кое-как повернув голову, он увидел, что возле первой от входа решетки стоит, вцепившим мускулистыми ручищами в прутья, чудовищный мутант. У бестии была скульптурная фигура тяжелоатлета – сплошные рельефные мышцы, но из живота и из груди росли две пары щупалец с когтями. Лицо же мутанта представляло собой безобразное месиво из наслоений дикого мяса, а глаза светились, словно два уголька.

– Куда? – грозно проревел здоровяк, имея в виду Лана,

и только тогда дружинник, наконец, смог оторвать взгляд от уроды, плящущегося на него из-за решетки.

– В клетку, – отозвался Хомут сдавленным голосом.

– На кой?.. – спросил, не меняя интонации, здоровяк.

– Приказ Кудесника, – весомо ответил охранник.

– Ла-а-адно... – протянул пузатый и дернул за жердину.

– Полегче, окорок! – прошипел Лан, но его, похоже, никто не услышал. Поднялся шум и гам, решетки по обе стороны коридора содрогались от ударов лап, рук, щупалец, сегментированных хвостов кошмарных и невообразимых муттов, порожденных радиацией, Полями Смерти и генетическими экспериментами.

В одной клетке сидел страшно худой и угрюмый человек с крючковатым носом и похожими на плащ перепончатыми крыльями за спиной. В другой к прутьям притулилась замшелая коряга... которая при приближении Лана внезапно ожила, сверкнула красными плотоядными глазами и протянула сквозь решетку узловатую ветвь, оканчивающуюся почти человеческой кистью с длинными пальцами. В третьей клетке бесновался, пытаясь расшатать прутья, лоснящийся от пота двухметровый амбал с крысособачьей головой; из пещей пасти летели брызги слюны.

Зверинец. Лан вспомнил это слово. Он уже слышал его раньше, когда был гладиатором. В зверинце Арены люди Профессора держали самых экзотичных и злобных мутантов для будущих сражений. Для будущих шоу, – как любил на-

зывать эти действия Профессор.

В глубине коридора скрывался спуск, скользкие деревянные ступени вели в освещенную факелами подземную часть зверинца, которая, наверняка, находилась прямо под Ареной. Лан представил, как мерзких тварей выволакивают из клеток, затем их, взбешенных, тащат по коридору, опутав веревочными петлями, а потом выталкивают на ристалище, где уже ждет гладиатор.

Здоровяк распахнул клетку возле ступеней. В темной и смрадной глубине кто-то лежал, скорчившись на мягком от наслоений грязи полу. Громко жужжали мухи. Пузатый схватил лежащего за ногу и без всяких церемоний выволок в коридор. Лан увидел тщедушное существо с лысой пупырчатой головой и покрытой ороговевшими пластинами нижней частью лица. Одето оно было в бесформенную рубаху из мешковины. На глазах мутанта белели мутные бельма. Судя по оставшейся на полу дорожке из упитанных опарышей, существо было мертво, причем – не первый день.

Лан только открыл рот, чтобы сказать, что он ни за что не войдет в эту вонючую клетку, и что пусть его лучше убьют на месте, но в этот момент петля на его шее затянулась до такой степени, что стало невозможно говорить и вообще совершать осмысленные действия.

Пузатый, держа жердину одной рукой, сноровисто втокнул Лана в клетку, и лишь после этого веревка на горле пленника ослабела. Лязгнула, захлопываясь, решетчатая дверь.

Лан хакнул, судорожно вдохнул полной грудью, и его едва не вырвало.

– Руки! – простонал он сквозь сжатые зубы. – Мои руки!

– Давай сюда, – пробурчал Хомут.

Дружинник просунул связанные руки между прутьями решетки. По покрытой плесенью и разводами стене промелькнул «солнечный зайчик» – блик от лезвия ножа. Но лезвие впилося не в веревки, стягивающие запястья Лана, а коснулось горла пленника над кадыком.

– Теперь тебе придется очень постараться, чтобы попасть на Арену, – услышал Лан за спиной прерывистый голос Хомута. – Ты теперь на дне, приятель. И никто не подаст руку помощи. Ты на самом нижнем кругу ада.

– Я понял, – отозвался Лан. – Руки развяжи.

Хомут хмыкнул, потом принялся торопливо пилить веревки. Лан вновь поморщился от боли, возникло ощущение, что по его венам хлынула не кровь, а лава. Охранник отошел от решетки, одновременно Лан отпрянул в глубь клетки. Руки пылали, и Лану пришлось сильно постараться, чтоб не заорать в голос. Нечего было радовать криками боли и без того взбудораженных появлением нового пленника мутлов, а также самих тюремщиков: не дождутся.

– Будь осторожней во сне, – напутствовал Хомут, пряча нож за пояс. – Сдвинешься на метр влево – тебя сцапает вот это... – из соседней клетки Лана настороженно изучал, шевеля длинными таракаными усами, очередной мутант, кото-

рый представлял собой смесь человека, осьминога и насекомого. – Ну, а если сдвинешься вправо, – продолжил охранник, – тебя приласкает старая подружка...

«Мара!» – сразу же подумал Лан, и сердце его екнуло.

Но, увы, в соседней клетке справа Мары не оказалось. На полу сидела, прикинув оплывшим рылом к решетке, старая и толстая самка нео. Мамаша Лу... Действительно – вот так встреча. Некогда мамаша Лу возглавляла клан изгоев: самых опустившихся и звероподобных нео, с которыми брезговали знаться остальные кланы. Лан попал к ним в лапы вместе с Каином – одним из тверских мародеров. Сыновей мамыши Лу убили бандиты, когда вызволяли из плена своего человека, а жирную матрону продали Кудеснику вместе с Ланом. Это произошло во время похода на Арбат. С тех пор мамыша Лу томилась в клетке. Судя по многочисленным свежим шрамам, мамыша несколько раз побывала на Арене и выжила. Но при этом не стала менее жирной.

– Я помню тебя, хомо с глазами цвета моря, которого Лу никогда не видела, – медленно, с трудом подбирая слова, проговорила самка. – Я все помню. Как другие злые хомо убивали моих сыновей. И как плакал малыш, чья шерстка не успела обсохнуть после рождения. Злой хомо бросил кроху в котел с кипящей водой.

– В общем, любезничайте, – разрешил Хомут, затем смачно харкнул и удалился.

На Лане по-прежнему была кольчуга. Чтоб ее снять, по-

требовалось бы развязать пленнику руки и стащить доспех через голову; похоже, не нашлось никого, готового так рисковать. Кольчуга – уже что-то, защитит от ножа, от когтей и от зубов. Лан провел пальцами по холодным стальным кольцам, пытаясь хоть немного собраться с мыслями и отвлечься от боли в руках, полоумного бормотания старой нео и всепроникающего смрада.

– Чрево мамыши Лу с тех пор пусто, – продолжала бормотать самка. – Мамашу Лу больше никто не любит и не чтит. Мамашу заставляют драться с хомо, вооруженными острым железом. Мамаша давит черепа хомо руками. Зажимает их между ладонями и давит, как это делали ее любимые сыночки – Кой-Кой и Ырк, которых убили злые-злые-злые хомо.

Мутант из клетки слева – страхолюдный человек-осьминог-насекомое – попытался достать Лана щупальцем. Убедившись, что до дружинника не дотянуться, чудище пришло в неистовство: набросилось на прутья и стало протискиваться между ними, при этом тело его сминалось, становилось плоским, словно у пытающегося пробраться между половыми досками таракана. Возня мутанта снова всполошила весь зверинец; завыл собакоголовый, крылатый человек принялся метаться по клетке, оглушительно вереща и поднимая ветер. А на нижнем этаже подало голос нечто огромное, заглушив на несколько мгновений басистым рыком воцарившуюся какофонию. После этого шум начал стихать.

Так и не сумев просочиться сквозь решетку, человек-ось-

миног-насекомое отступил к задней стене зверинца, затем без видимых усилий взобрался по ней на потолок и там замер, мгновенно слившись с тенями и став невидимым.

Тогда Лан осмотрелся. Желоб с водой проходил вдоль стены зверинца через все клетки. Вода струилась ленивым потоком со стороны входа в глубь строения, неся мелкий мусор и клочки шерсти. То есть, Лану пришлось бы пить ту же самую жидкость, в которой полоскал языком человек-осьминог-насекомое и еще с полдесятка бестий. Из грязи, выстилающей пол, выпирало что-то округлое. Лан подцепил штурковину большим пальцем ноги и перевернул, оказалось – это глиняная миска. А засохшие потеки вокруг места, где раньше стояла миска, значит, остатки еды. М-да, питание здесь явно ни к черту. Хорошо, что покидая Кремль, они со Светозаром основательно подкрепились, – по распоряжению сотника им выдали двойные порции... Как там сейчас брат? Тоже угодил в дыру, наподобие этой? Или судьба ему уготовила нечто похуже?..

– Псс! Псс! – услышал Лан присвист. – Шеловеше!

Из клетки, что была через коридор, на Лана глядели двое дампов. Одинакового роста, одинакового дистрофичного сложения, вместо одежды – полосы ткани, прикрывающие гниющие заживо тела. С этой породой Лан уже сталкивался на Арене. Вдвоем с Марой они покромсали семерых таких же мутов, та еще была схватка.

– Пошабавимша... – пообещал один из этих двоих. – Нын-

ше ночью... Пошабавимша...

А его товарищ провел по пруту решетки синим распухшим языком и по-змеиному зашипел, показав заостренные зубы.

Лан ушел в глубь клетки, сел на пол. В грязи копошились личинки, время от времени щекоча дружиннику босые ноги. С желоба капала вода, поэтому не могло быть и речи, чтоб привалиться спиной к задней стене и попытаться немного отдохнуть. А лечь на грязь, подобно свинье... Нет, пока он не мог пересилить отвращение.

Какие на него планы у Профессора? Как подать сигнал своим, что ему требуется эвакуация? Где обещанное прикрытие?

Он сидел, обхватив себя руками. Холод стальных колец доспеха под подушечками пальцев немного успокаивал.

Может, разведчики не вмешались, потому что решили, будто все идет по плану?

Может, все действительно – как надо, и ему стоит сконцентрироваться на поставленной задаче?

Но какая может быть задача, когда Светозар в беде!

– Мамаша Лу так скучает по своим сыночкам, – продолжила старая нео. – Они были ей и детьми, и ласковыми мужьями. Может, хомо станет новым сыном мамаше Лу? Может, хомо станет ее новым мужем? – длинная обезьянья рука с отрубленными мизинцем и безымянным пальцем просунулась между прутьями решетки и пошарила внутри клет-

ки Лана. К счастью, до человека ей было не дотянуться.

Лан старательно игнорировал мамашу. Толку-то отвечать полоумной? Бросишь фразу-другую, и она, чего доброго, решит, будто дружинник не прочь поболтать, и будет нудить бесперечь.

Мамаша заухала, вскочила на ноги и принялась расхаживать по клетке, почесываясь то там, то здесь.

– Побрешговал мамашей... – прокомментировал один из дампов, поправляя на голени «бинты». – Побрешговал, малышишка... Мамаша хороша... Хороша... Шладкая...

Лан почувствовал, как что-то тупое тычется в прикрытое кольчугой плечо. Оказалось, что человек-осьминог-насекомое тихонько спустился с потолка и, оскалив от усердия пасть, снова пытался достать человека. Напряженное щупальце натянулось, словно канат, к которому подвешен солидный груз; слышалось, как скрипят сухожилия. Встретившись с Ланом взглядом, мутант принялся натужно дышать, при этом из его пасти вырывались облачка пара.

У предков было такое выражение: «оказаться между львом и крокодилом». Лан видел львов и крокодилов на рисунках в старинных книгах. Куда этим вымершим хищникам было до нынешних мутов – уродливых до омерзения, свирепых и хитрых, как маньяки.

Послышалось шлепанье босых ног по полу. У входа в клетку Лана возник сгорбленный силуэт. Лан было напрягся, но потом понял, что это всего лишь грязный и забитый

дурачок, что маячил давеча в коридоре зверинца. В руках у опустившегося создания были грабли с налипшим на зубцах навозом, тятка; на плече висела пара ведер со связанными веревкой ручками. Дурачок зачем-то остановился напротив Лана и стал пристально его разглядывать.

– Ты пришел почистить клетку? – спросил, поднимаясь на ноги, Лан. Было бы неплохо, если бы кто-нибудь соскоблил с пола грязь и червей. Лан даже сам бы это сделал, только он опасался, что тятку ему не доверят, ведь этот инструмент в руках дружинника мог бы стать бердышом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.